

Владимир Панин

ЖАРКОЕ ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Владимир Панин

Жаркое лето сорок второго

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Панин В.

Жаркое лето сорок второго / В. Панин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133023-1

Отгремели бои советского контрнаступления под Москвой, так и не приведшего к коренному перелому в войне с Германией. Каждая из противоборствующих сторон намерена взять реванш за свои зимние неудачи и поставить победную точку летом 1942 года. Новый командующий войсками Крымского фронта Константин Рокоссовский получил приказ Ставки любой ценой удержать Керчь и снять блокаду с осажденного врагами Севастополя. Сможет ли Генерал Кинжал, как прозвали немцы молодого советского генерала за его мастерство в боях под Смоленском и Москвой, выполнить столь трудную задачу – вопрос, но он смело берется за её выполнение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133023-1

© Панин В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава I. Назначение Гинденбургом	6
Глава II. «Охота на дроф». Расстановка фигур	15
Глава III. «Охота на дроф». Дебют	24
Глава IV. «Охота на дроф». Миттельшпиль	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Панин
Жаркое лето сорок второго

© Владимир Панин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глава I. Назначение Гинденбургом

Скупой свет лампы от дизельного движка освещал карту боевых действий в штабе Н-ской дивизии, куда два часа назад прибыл командарм-16, генерал-майор Рокоссовский. Тяжко, очень тяжело было наступать в самом начале февраля, когда весь запал декабрьского наступления уже иссяк, а Ставка упорно требовала продолжения наступательных действий. Трудность была не только в том, что все резервы, заботливо подготовленные Сталиным для контрнаступления, уже иссякли, а враг оказывал упорное сопротивление. За каждый город, каждую станцию и даже деревню велись ожесточенные бои, и населенные пункты приходилось брать, неся потери в расчете три к одному.

Некоторые из командиров отказались от лобовых ударов и стали применять тактику нанесения охватывающих ударов, заставляя противника под угрозой окружения отступать, но таких, к сожалению, было ещё недостаточно много. Больше было тех, кто не мог или не хотел постигать суворовскую «науку побеждать».

По этой причине во многих частях взаимодействие танков, пехоты и артиллерии было поставлено из рук вон плохо. Не было единого оркестра, чье могучее звучание заставляло бы противника отступать. Очень многих комдивов приходилось буквально пихать, заставляя наступать, а не имитировать бурную деятельность. Именно по этой причине генерал Рокоссовский был вынужден покинуть штаб своей армии и выехать в Н-скую дивизию, для разъяснения комдиву и его помощникам целей и задач предстоящего наступления.

Выполняя приказ Ставки, командарм сумел взять важный опорный пункт немецкой обороны Сухиничи. Теперь предстояло взять Поповку, которую немцы превратили в хорошо укрепленную крепость.

Вызванный в штаб армии комдив произвел на Рокоссовского впечатление толкового человека, но когда начштаба армии Малинин стал проверять степень готовности дивизии к наступлению, картина оказалась неприглядной. Комдив либо не мог, либо не хотел наступать, и командарм был вынужден нанести к нему визит.

Прибыв в штаб дивизии, генерал потребовал от каждого из приглашенных командиров отчета об исполнении подготовки наступления. С хмурым лицом он слушал их рапорты, затем ругал или хвалил в зависимости от доклада, а затем отдавал новые приказы и устанавливал сроки их выполнения.

По мере того, что спрашивали и как делали записи в свои полевые книжки, командарм определял для себя степень доверия к тому или иному командиру. В целом, от их докладов у него складывалось положительное впечатление от дивизии. Из общей картины выпадал начштаба дивизии. Если брать за основу, что желающий решить задачу человек ищет способы её решения, а нежелающий ищет причины, то начштаба относился ко второй категории.

Едва Рокоссовский прибыл в штаб, как тот начал старательно перечислять ему то, чего не хватает дивизии для того, чтобы продолжить наступление. Картина для командарма была знакомой и понятной. На западном направлении вряд ли бы нашлась дивизия, не требующая срочного пополнения. Генералу не понравился нудный тон подполковника Горшечкина. С первых его слов было ясно, что он до смерти боится наступать и свой негативный настрой пытается скрыть нуждами дивизии.

К огромному неудовольствию генерала, на февраль сорок второго года таких Горшечкиных в Красной Армии было превеликое множество, и размочить такого «сухаря» было крайне трудно. У них всегда была скрытая поддержка, в виде влиятельного сослуживца, однокашника по училищу или хорошего знакомого.

Сделав зарубку на памяти, командарм-16 приказал подать карту и стал закреплять цели и задачи дивизии в предстоящем наступлении. В возникшем разговоре его очень радовало,

что командиры полков и бригады не стеснялись уточнять и спрашивать у генерала неясные им моменты.

– Таким образом, наносимые дивизией удары на Растеряевку и Безрукавку создадут угрозу окружения вражеским гарнизонам этих деревень. Если все будет сделано точно в указанные мною сроки, то немцы оставят их и отойдут к Ольховке, – склонившись над картой, генерал быстро прочертил линию по воздуху и ткнул карандашом в нужную точку на карте. Будучи подлинным штабным работником, Рокоссовский всегда бережно относился к картам. Показывая Ольховку, он лишь слегка надавил на неё карандашом, но по неизвестной причине грифель хрустнул и остался лежать на карте.

Чертыхнувшись про себя, генерал протянул руку, смахнул с карты обломки грифеля и стал неторопливо разгибаться, и в этот момент рядом со штабом разорвался бризантный снаряд.

За время его пребывания немцы дали несколько залпов из дивизионных орудий по квадрату, где находился штаб дивизии. Не испытывая острой нехватки боеприпасов, немецкие артиллеристы могли позволить себе вести огонь по площадям. Делалось это регулярно, независимо от времени суток, в расчете на слепую удачу, и вот она им и улыбнулась.

Разорвавшийся в трех шагах от штаба Н-ской дивизии снаряд буквально нашпиговал своими осколками стены домика, в котором в этот момент находился Рокоссовский. Взрыв, грохот и острая боль в правой половине спины слились для командарма в один пронзительный звук. Пораженный в спину осколком, он успел выпрямиться, произнести: «Господи, как больно», – и двинуться по направлению к двери.

Боль действительно была сильной, разрывающей все тело на части, и с каждым шагом становилась все нетерпимей. Командарм успел сделать несколько шагов, прежде чем потерял сознание и рухнул на руки своего ординарца.

Очнулся Рокоссовский от холодного морозного ветра, что безжалостно обжигал его лицо. Оказалось, что он лежал на аэросанях, проворно несущихся по ночной дороге.

Для быстрого сообщения в условиях зимнего бездорожья командарм приказал выделить каждой дивизии по паре аэросаней для быстрого передвижения, и вот сам теперь ехал на них.

Увидев, что командарм очнулся, сидевший рядом с ним ординарец что-то попытался сказать ему, но от сильного ветра Рокоссовский плохо его слышал. Единственное, что он разобрал, было слово «хорошо!». Генерал попытался уточнить у ординарца, на щеке которого мелькнула слеза, что именно «хорошо», но в этот момент сани тряхануло, и он снова потерял сознание. В следующий раз сознание пришло к нему прямо на операционном столе, когда врачи уже заканчивали операцию.

– В рубашке родились, товарищ генерал, – заверил его хирург, привычно накладывая последние швы на поврежденную спину Рокоссовского. – Если бы вы встали в момент взрыва в полный рост, проникающее торакальное ранение вам было бы обеспечено. А так, только касательное ранение мягких тканей спины, правда, с серьезным повреждением лопаточной кости. Стукнул он вас, конечно, хорошо, шрам будет большой, но ничего. Ребра целы, легкое не повреждено, так что счастливо отделались, товарищ генерал.

Голос врача из-под маски звучал ободряюще, призванный сразу отогнать у раненого дурные мысли о его здоровье, но Константина Константиновича это мало интересовало.

– Скажите, доктор, как скоро я смогу вернуться к командованию армией? Дел слишком много, чтобы у вас долго лежать, – уточнил Рокоссовский, с трудом передвигая занемевшими губами, и тут эскулап его обескуражил:

– Боюсь, что не неделю и не две. Ранение кости может дать серьезное осложнение, да и крови вы потеряли порядком. Одним словом, отлежаться вам надо, товарищ генерал, аккуратно так с месяцок, не меньше.

– Две недели, – обозначил срок своего пребывания в больнице Рокоссовский, – надеюсь, что мы сможем понять друг друга.

– А вот тут вы ошибаетесь, – мягко возразил ему врач. – Получен приказ, сразу после операции перевести вас в Центральный госпиталь в Москве. Как только ваше состояние позволит вас транспортировать, за вами будет прислан специальный самолет.

С приказом вышестоящего командования трудно спорить, особенно если распоряжения отдает Ставка ВГК в лице самого Сталина. Поэтому генерал смиренно принял решение Верховного, хотя был с ним категорически не согласен.

Для таких людей, как Константин Рокоссовский, худшим наказанием было не столько снятие с должности, сколько отрешение от дела. Даже лежа на больничной койке в ожидании прибытия транспорта, он постоянно интересовался подготовкой наступления на Поповку. Узнав, что вместе с ним тяжело ранен комдив Н-ской части и его обязанности исполняет Горшечников, Рокоссовский потребовал его незамедлительной замены.

– Он наступать боится. Людей только зря погубит и все дело сорвет. Знаю я таких «чистых товарищей», по бумагам все правильно, а результата никакого, одни причины и обстоятельства, – категоричным тоном говорил он пришедшему проведать его Малинину.

– Не беспокойтесь, Константин Константинович, я обязательно выполню ваше поручение относительно комдива, – заверил генерала начштаба.

– Кто сейчас на армии?

– Пока я, но говорят, Жуков хочет назначить командармом генерала Баграмяна.

– Знаю, толковый командир. Сработаетесь и обязательно возьмете Поповку, – сказал Рокоссовский и загрустил. Его армия худо-бедно, но продолжала наступление на запад, а он должен был отправиться на восток.

Теперь без него будут решаться боевые задачи, разрабатываться планы. Без него будут вестись жаркие бои наступления и ожесточенное отражение яростных контрударов противника. И до ушедших вперед полков и батальонов уже не докричатся, не дозваться, не увидеть их за чернеющей до самого горизонта стеной леса, среди густо засыпанных белым снегом полей.

Единственной отрадой для Рокоссовского в московском госпитале была встреча с семьей. После июня сорок первого генерал имел о них самую скудную информацию из писем и разговора с командующим. Знал, что находятся в эвакуации, что испытывают трудности, но в этот момент вся Россия испытывала трудности и половина страны была в эвакуации.

Но не только местные партийные органы и администрация госпиталя беспокоились о судьбе раненого генерала. Интересовались состоянием больного и компетентные органы по запросу армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса Льва Захаровича.

Знакомство с этим человеком для любого генерала Красной Армии было тяжелым и серьезнейшим испытанием. Посланный Сталиным на Западный фронт для выяснения вопроса о сдаче Минска на шестой день войны, он оставил о себе недобрую память в генеральской среде.

Истинный коммунист и комиссар, Мехлис спросил с каждого, кто был виновен в развале Западного фронта, и спросил жестко. Невзирая на былые заслуги и высокое положение провинившегося человека.

Приезд Мехлиса на фронт сильно всколыхнул генеральское сообщество. Его боялись, его ненавидели, но выполняли все его требования, и больше ни на одном фронте не было массовой сдачи в плен, с развернутыми знаменами и полковой музыкой.

Трудно дать однозначную оценку этому человеку. Он не был добрым и отзывчивым куратором, который только журил и трепал по головке провинившегося человека. Главным его мерилом всегда было дело, которое поручало ему государство, и его исполнение. Будучи продуктом своей эпохи, он требовательно спрашивал с каждого и в первую очередь с самого себя.

Ему невозможно было понравиться или угодить. К лести он был глух, а праздных болтунов и любителей громких рапортов и праздничных отчетов терпеть не мог. Ему можно было только показать себя с хорошей стороны в деле, не раз и не два, и только тогда Мехлис был готов поддержать человека, поручиться за него своим комиссарским словом.

Столкнувшись с ужасающим положением в командной среде Красной Армии в июне сорок первого года, когда выяснилось, что все заверения наркома и начальника Генерального Штаба РККА сильно разнятся с истиной, он не опустил руки. Не застрелился и не пустился в бег, а попытался хоть как-то исправить сложившееся положение.

Будучи далеко не глупым человеком, он отлично понимал, что одними репрессиями дело невозможно исправить. Один раз хорошо встряхнув красный генералитет в начале июля сорок первого, он больше никогда не настаивал перед Сталиным на повторении этого. Ни после Киевской катастрофы, ни после трагедии Вязьмы и Таллина, массового наказания среди провинившихся генералов не было.

Как правило, взыскания получали единичные представители верховного командного сословия, в виде понижения в звании и должности, с отправкой на фронт. Мехлис, как и Сталин, видел исправление безграмотного командования в выдвижении новых командиров, способных на равных сражаться с врагом, за спиной которого была вся Европа, и его офицеры и генералы имели большой серьезной военной опыт, в отличие от выдвиженцев Гражданской войны.

Такие командиры, несомненно, были. Их характер и навыки выковывались в жестоких боях с противником. Их нужно было только разглядеть, подставить плечо и помочь сделать шаг в нужном направлении. И чем скорее это сделать, тем будет лучше всем.

Как заместитель наркома обороны, он был в курсе всех военных удач и неудач огромного фронта, раскинувшегося от Белого моря до Черного моря. Тщательно просматривая их, он «брал на карандаш» и записывал в специальный блокнот тех, на кого стоило обратить внимание в плане роста.

В числе заинтересовавших Мехлиса людей был и генерал Рокоссовский. Его заместитель обороны запомнил ещё по смоленскому сражению и мог убедиться в правильности своих суждений во время битвы за Москву.

С начала сорок второго года Лев Захарович был направлен представителем Ставки в Крым, где удачно высадившийся советский десант никак не мог пробиться к осажденному немцами и румынами Севастополю. Прибыв на место, он быстро определил причины неудачи, настоял на выделение Крыма в самостоятельный фронт из общего Северокавказского направления. Шаг был правильный и очень своевременный, но ожидаемый успех так и не наступил. Командующий фронтом генерал Козлов явно не справлялся с должностью командующего фронтом. Так, из-за того, что в освобожденную от немцев Феодосию не были своевременно доставлены средства ПВО, от огня вражеской авиации серьезно пострадал крейсер «Красный Кавказ». На освобожденной территории Крыма не было организовано ни одного медицинского госпиталя, и всех раненых приходилось отправлять морем на Кубань. Высадившиеся в Крыму соединения 51-й и 44-й армий плохо координировали свои действия, из-за чего наступательный порыв десанта пропал впустую и началась затяжная позиционная война.

Любая война не бывает без ошибок, и генерал-лейтенант Козлов не был застрахован от них, как любой другой советский генерал того времени. Однако, совершая плохо продуманные и плохо подготовленные действия, он не стремился сделать надлежащие выводы из постигших его неудач. Более того, он всячески сопротивлялся действиям Мехлиса по наведению порядка в войсках фронта, делая все, о чем говорил представитель Ставки, что называется, «из-под палки».

Больших трудов стоило Льву Захаровичу добиться переноса штаба фронта из Тбилиси, откуда Козлов совершал руководство войсками, в Крым. Только вмешательство Сталина заста-

вило командующего покинуть тихую и уютную столицу Грузии и отправиться в Керчь, где каждый день можно было угодить под бомбежку или артобстрел.

Столь напряженные отношения между комфронта и представителем Ставки не могли закончиться ничем хорошим, и предпринятое Крымским фронтом наступление в конце февраля закончилось безрезультатно. Войска фронта не смогли прорвать оборону врага на всю его глубину, несмотря на отдельные успехи в начале операции. И если постигшую его неудачу Козлов объяснил неукомплектованностью дивизий, усталостью личного состава и малым количеством артиллерии и танков, то Мехлис напрямую обвинил его в неумении руководить войсками. В телефонном разговоре со Сталиным сразу после прекращения операции он потребовал снятия Козлова с должности командующего войсками фронта.

– Козлов – советский барин, который любит сладко поесть и попить и не любит заниматься делами, – дал нелестную характеристику комфронта Мехлис. – Он ленив, не любит кропотливой и повседневной работы, не проверяет выполнение отданных им приказов и распоряжений. Оперативными вопросами не интересуется, руководит войсками исключительно из штаба, любая поездка в район передовой для него наказание. По этой причине среди личного состава армий фронта он не пользуется авторитетом, войска не знают своего командующего. Я настойчиво прошу вас заменить Козлова, товарищ Сталин.

На том конце провода вождь терпеливо дал высказаться своей «левой руке», а затем заговорил:

– Товарищ Мехлис. Вы рисуете портрет командиров, составляющих около сорока процентов генералитета Красной Армии, и это вам известно не хуже чем мне. В настоящий момент у нас нет под рукой Гинденбурга, который сможет исправить все ошибки, допущенные руководством фронта, и разгромить противника в Крыму. Мы воюем тем, что есть в нашем распоряжении, и смею вас заверить, воюем неплохо. Очень надеюсь, что вы сделаете надлежащие выводы и последуете нашему примеру. Как у представителя Ставки, полномочий для решения подобных проблем у вас хватает.

– Я не прошу прислать мне Гинденбурга, товарищ Сталин. Для исправления положения дел нужен толковый и решительный генерал. Месяц назад я просил прислать мне генерала Клыкова, но вы мне отказали. Теперь, как представитель Ставки, я очень прошу вас прислать в Крым генерала Рокоссовского.

– Кого? – удивленно переспросил Сталин.

– Генерал-майора Рокоссовского, бывшего командующего 16-й армией, – уверенно повторил Мехлис, и в трубке на несколько секунд повисла тишина. Память у вождя мирового пролетариата была отменная, и он вскоре продолжил разговор, не заглядывая в бумаги или блокнот.

– Насколько мне известно, генерал Рокоссовский ранен и сейчас находится на излечении в одном из госпиталей столицы. Или у вас другая информация? – неторопливо произнес Сталин.

– Нет, все верно. Но по утверждению врачей, рана у генерала неопасная, и к началу следующего месяца они планируют его выписать.

– Это вам сказал сам Рокоссовский? Вы с ним разговаривали?

– Нет, я говорил с главным врачом госпиталя, а тот при мне по телефону спрашивал лечащего врача генерала.

– Не будем торопиться, товарищ Мехлис. Человек ещё не отошел от ранения, а вы его уже на фронт гоните. Возможно, ему необходимо как следует подлечиться перед возвращением в строй. Не будем торопиться... – подвел черту в разговоре Сталин, но собеседник был с ним не согласен.

– По словам врачей, генерал настаивает на скорой выписке и просит это сделать к концу марта, – продемонстрировал свою хорошую информированность заместитель наркома.

– Боюсь, что генерал Жуков не будет согласен с подобным решением. Он давно ждет возвращения генерала Рокоссовского на должность командарма, – многозначительно намекнул вождь собеседнику, но тот остался глух к его намекам.

– Генерал Жуков действует исходя из своих фронтовых интересов, тогда как здесь, в Крыму, решается судьба целого направления. Если мы в ближайшее время не сможем переломить ход событий, то к лету можем потерять Севастополь, товарищ Сталин. Как коммунисту и представителю Ставки, мне тяжело об этом говорить, но я должен сказать вам правду. Положение очень серьезное, и если не мы сбросим Манштейна в Сиваш, то он сбросит нас в Черное море, третьего не дано.

После этих слов в трубке вновь повисла тишина, которая на этот раз продержалась несколько дольше. Мехлис знал, на какие кнопки нужно давить, и пользовался этим.

– Думаю, что не стоит излишне драматизировать результаты наших неудач в Крыму, товарищ Мехлис. Я и маршал Шапошников не склонны видеть все происходящее у вас в черном цвете. Возможно, все не так плохо, как вам кажется.

– Я нисколько не сгущаю краски, товарищ Сталин, а стараюсь докладывать вам все, как есть. И то, что я вижу здесь, сейчас, очень во многом мне напоминает события августа прошлого года под Лугой. Нужно как можно скорее менять руководство фронта, и лучшей кандидатуры на пост командующего Крымским фронтом, чем генерал Рокоссовский, я не вижу, говорю честно, как на духу, – честно признался комиссар, и Сталин услышал голос своего посланника.

– Спасибо за откровенность, товарищ Мехлис. Ставка постарается в самое короткое время дать ответ на вашу просьбу.

Верховный никогда не бросал слов на ветер, и по прошествии нескольких дней Рокоссовский, в новенькой форме генерал-лейтенанта, был доставлен на прием к Сталину.

Столь быстрое изменение звания Константина Константиновича было обусловлено двумя фактами: во-первых, он хорошо воевал в битве за Москву, был ранен, а раненых командиров перед отправкой на фронт Сталин всегда повышал в звании; со стороны вождя это был хитрый ход, который, с одной стороны, воздавал должное за пролитую кровь, а с другой – обязывал оправдать оказанное ему доверие; во-вторых, Сталин ознакомился с учетной карточкой генерала и был вынужден согласиться с мнением Мехлиса. Генерал действительно подавал большие надежды. Его можно было попробовать на посту командующего фронтом, а звание генерал-майор никак не соответствовало этой высокой должности.

Как правило, окончательное решение по вопросам назначения командующего фронтом Сталин принимал только после личной встречи с кандидатом, и потому Рокоссовский был доставлен в Кремль.

– Здравствуйте, товарищ Рокоссовский. Рад видеть вас в добром здравии. Как ваше самочувствие после ранения? Врачи говорят, что вы грозитесь сбежать из госпиталя и вернуться на фронт, – лукаво улыбнулся вождь, дружески пожимая руку опешившему генералу. От столь неожиданного вопроса Рокоссовский замешкался, чем вызвал улыбку у Сталина.

– Солдаты и командиры бегут на фронт – это я ещё понимаю. Но если и генералы начнут самовольно покидать госпитали – это, простите, черт знает что. Непорядок... – пожурил Верховный генерала и тут же указал ему на один из стульев за длинным столом совещания. – Садитесь на место Ворошилова. Его сейчас нет в Москве, так что смело можете располагаться.

Ему понравилось, что генерал не ступешался, попав в кабинет к Верховному Главнокомандующему, и с определенным достоинством сел на указанный стул.

– Так как вы себя чувствуете, товарищ Рокоссовский, только честно скажите? Сдается мне, что вам ещё рано возвращаться на фронт?

– Нет, товарищ Сталин. Чувствую себя хорошо, и если врачи разрешат, готов отправиться к себе в армию немедленно, – заверил вождя Рокоссовский, но тот в ответ только покачал головой.

– Не стоит так торопиться. Война от вас никуда не уйдет, а нам вы нужны крепким и здоровым. А что касается вашей армии, то она, согласно последним сообщениям, поступившим из штаба Западного фронта, воюет. Не так хорошо, как нам всем того хотелось бы. Взяла Поповку, собирается с силами наступать на Киров и Жиздру. Как думаете, возьмут их ваши товарищи?

– Если получат людское пополнение, гаубичные дивизионы и хотя бы танковый полк, обязательно возьмут, товарищ Сталин.

– А без гаубиц и танков смогут овладеть этими городами? Ведь главные силы противника разбиты, и он отчаянно держится за каждый населенный пункт из страха оказаться посреди чистого поля и замерзнуть. Надо только умело наносить удары во фланги противника и гнать его к Смоленску, как это делал великий русский полководец Кутузов, – вождь кивнул головой на портрет фельдмаршала, украшавший стену его кабинета.

– Все верно, товарищ Сталин, – согласился Рокоссовский, – только немец уже не тот, что был в декабре. С прибытием генерала Моделя прошел у них страх, поверили они в себя, от того и дерутся так упорно, несмотря на то что силы у нас с ними пока равные. Единственное их преимущество – в количестве снарядов, не испытывают они той нехватки, что терпят наши артиллеристы. Да и авиации нам по-прежнему не хватает в боях с противником.

– Будут, обязательно будут и снаряды, и танки, и самолеты. Все уже сейчас поступает в войска, но не в том количестве, как нам того хотелось бы. Думаю, что ко второй половине этого года мы сможем на шестьдесят пять – семьдесят процентов закрыть потребности фронта, а к концу года повысим эту цифру до девяноста процентов. А пока нужно обходиться тем, что есть, и обязательно продолжить наступление.

– Большим подспорьем войскам фронта будет, если действующим в тылу у Моделя нашим войскам удастся перерезать пути снабжения ржевской группировки врага. Хотя бы железнодорожное сообщение.

– Такая задача им поставлена, но вот когда они смогут это сделать, неизвестно. Ссылаются на трудности снабжения, потери, ожесточенное сопротивление немцев. Потом наверняка пойдет весенняя распутица, появится масса других причин и заговорят о необходимости прекращения наступления. Как нам говорит об этом товарищ Власов, что почти целый месяц топчется под Любанью... – Сталин встал со стула и принялся неторопливо ходить по кабинету. – Вот скажите, товарищ Рокоссовский, как вы считаете, что нужно делать? Сидеть, ждать второй половины года, накапливать силы или продолжать наступать, не давая врагу закрепиться? – спросил вождь, остановившись рядом с генералом. Едва он это сделал, как Рокоссовский немедленно встал со стула и, оправив ещё не обвисшую по фигуре форму, заговорил:

– Я всегда за наступление, товарищ Сталин, но в нынешней обстановке наступать по всем фронтам невозможно. Необходимо проводить небольшие, локальные операции, которые если не изменять общее положение, то серьезно затруднят противнику проведение наступательных компаний этим летом. Следует бить не пятерней, а кулаком, создавая на нужном участке фронта численное превосходство, и за счет этого пробивать оборону немцев, как они это делали летом прошлого года.

– То есть вы предлагаете позаимствовать у врага его тактику и стратегию и полностью скопировать её, – задал каверзный вопрос вождь, но генерал не смутился.

– Нет, я против слепого копирования. Нужно взять из немецкого военного искусства все самое лучшее и разумно это использовать в наших армиях.

– Например?

– Отладить связь авиации с наземными соединениями, как это есть у немцев. Сделать обязательным присутствие в наступающих порядках пехоты артиллериста, который может по радио корректировать огонь пушек в случае возникновения такой необходимости, а она всегда есть...

Услышав эти суждения, Сталин усмехнулся.

– Рад, что товарищ Мехлис не ошибся, характеризуя вас как думающего человека, болеющего душой за дело. Не секрет, что у нас много генералов, готовых всю армию положить ради победного рапорта перед Ставкой. Да вы садитесь, садитесь, товарищ Рокоссовский, разговор только начался.

Видя неловкость собеседника, вождь присел на соседний с ним стул и, пристально взглянув в его лицо, сказал:

– У Ставки есть мнение назначить вас командующим Крымским фронтом вместо генерала Козлова, товарищ Рокоссовский. У него никак не получается развить наступление наше в Крыму и снять осаду с Севастополя. Два раза пытался, а воз, как говорится, и ныне там. Войск товарищу Козлову мы дали много, но вот правильно использовать их он не может, а время, как вы понимаете, работает на противника. Вы хорошо себя показали под Смоленском и при обороне Москвы. Ставка считает, что вы сможете исправить сложившееся положение в Крыму и поможете севастопольцам. Согласны?.. – задал вопрос Сталин, который в нынешнем положении был чисто риторическим.

– Согласен, товарищ Сталин. Это, конечно, большая честь для меня, но, честно говоря, совершенно неожиданно. Приложу все силы, чтобы оправдать оказанное мне высокое доверие партии, правительства и лично ваше. Когда выезжать? – четко, по-военному спросил Рокоссовский, чем ещё больше понравился вождю.

– Для полной поправки вашего здоровья, по мнению врачей, вам необходима неделя. По данным разведки, вы готовы лететь на фронт хоть сейчас. Ставка дает вам четыре дня на поправку здоровья и вхождения в курс дела, товарищ генерал-лейтенант, – специально подчеркнул новое звание генерала Сталин. – Все необходимые вам документы будут доставлены в госпиталь. Если возникнут вопросы или будут нужны дополнительные сведения, позвоните по телефону, который вам дадут, и все привезут. Нам очень важно, чтобы вы прибыли на фронт готовый и во всеоружии. Сейчас в Крыму затишье, экстренности с вашей отправки туда нет, так что пользуйтесь выпавшим вам моментом. После того как примете дела у товарища Козлова, осмотритесь и доложите нам свое мнение по ситуации на фронте, а также ваши предложения по её исправлению.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– И вот ещё что. Вас на место Козлова просил прислать лично Мехлис, но, зная его характер, не исключаю, что у вас с ним могут возникнуть разногласия. Товарищ Мехлис честный, но довольно сложный человек. Постарайтесь найти с ним общий язык. Как представитель Ставки, он во многом сможет вам помочь, но помните, что командующий фронтом вы, а не Мехлис. И спрашивать в первую очередь Ставка будет с вас, а не с армейского комиссара 1-го ранга. Если у вас будут серьезные разногласия, звоните, мы вас поддержим, но нам нужен Крым, нам нужен свободный Севастополь. Надеюсь, что у вас все получится, товарищ Рокоссовский... – Сталин легонько, как бы напутственно, коснулся рукой плеча генерала. – Есть вопросы, пожелания?

– Начинать новое дело на новом месте всегда трудно. Хотел бы попросить у вас разрешения взять с собой несколько человек из 16-й армии. Я их хорошо знаю, они знают меня, и не хочется тратить время на притирку с новым коллективом.

– Берите всех, кого считаете нужным взять с собой в Крым. Подготовьте список, и Ставка утвердит его. Что-нибудь ещё?

– Севастополь в первую очередь морская крепость, как Кронштадт на Балтике. Поэтому хочу спросить о взаимодействии фронта с флотом. В какой мере можно рассчитывать на поддержку со стороны моряков?

Зная, как трепетно относятся адмиралы к целостности своих кораблей, Рокоссовский желал знать, будет ли подчинен Черноморский флот Крымскому фронту или будет оказывать помощь после согласования с наркомом Кузнецовым. Вопрос был важен. Мехлис уже поднимал его в разговорах по прямому проводу, но Сталин не торопился с его решением. С одной стороны, зная любовь Сталина к большим кораблям, на него наседали моряки, настаивая на сохранении их автономии. С другой стороны, он не видел среди военных того человека, которому можно было вручить такую дорогую вещь, как флот, не боясь, что он бездарно его использует.

Да, генерал Рокоссовский импонировал вождю, но этого мало, чтобы в придачу к новому званию, должности и полной свободе рук он получил ещё в подчинение и флот. Его нужно было заслужить, и Сталин принял половинчатое решение.

– Вице-адмирал Октябрьский окажет вам всестороннюю поддержку во всех ваших действиях, связанных с наступлением на Крымском полуострове, товарищ Рокоссовский. Можете об этом не беспокоиться, – заверил Верховный генерала, и тот покорно принял его решение.

– В таком случае разрешите через четыре дня отбыть на фронт, товарищ Сталин... – Красавец Рокоссовский молодцевато вытянулся перед Верховным.

– Через пять дней, – деловито уточнил Сталин, – не будем спорить с врачами и с начальством.

Он подошел к новому командующему Крымским фронтом и протянул ему руку на прощание.

– Счастливого пути, товарищ Рокоссовский. Мы очень надеемся на вас и ждем результата. Помните, что от того, в чьих руках Крым и Севастополь, очень многое зависит не только в Европе и на Балканах, но и на Кавказе, а также позиция Турции. Сейчас они являются нейтральной страной, но в случае ухудшения обстановки на Черном море могут перевернуться к Гитлеру и всадить нож нам в спину. Ещё та публика... – напутствовал Сталин своего избранника, и тот обещал вождю сделать все возможное.

Вечером того же дня в Крым к Мехлису полетела телеграмма следующего содержания: «Ваш Гинденбург утвержден на посту комфронта. Встречайте через пять дней. Ради общего дела постарайтесь поскорее найти с ним общий язык».

Глава II. «Охота на дроф». Расстановка фигур

Чем больше генерал Рокоссовский узнавал о положении дел на Крымском фронте, тем грустнее ему становилось от полученных знаний. Фронта, наподобие Западного фронта под командованием генерала армии Жукова, к которому он привык и с которым сроднился за четыре месяца боев, в Крыму не было.

Был командующий фронтом, безвылазно сидящий в Керчи, и были три армии, сильно потрепанные в предыдущих боях, прочно застрявшие на узком пространстве суши под названием Ак-Монайские позиции, что отделяли Керченский полуостров от остальной территории Крыма. А между ними в непрерывном движении находился заместитель наркома обороны товарищ Мехлис.

Будучи далеко не глупым человеком с обостренным чувством ответственности и различающий фальшь буквально по запаху, он не мог спокойно наблюдать за неудачами фронта, что преследовали его третий месяц подряд.

Успехи Красной Армии под Москвой и Ростовом-на-Дону наглядно говорили, что врага можно бить, бить успешно, и присланный в Крым в качестве толкача товарищ Мехлис изо всех сил старался оправдать доверие вождя.

Стремительно начавшееся наступление в Крыму имело хорошие шансы, чтобы к вышеперечисленным двум успешным контрнаступлениям добавить третье. Предпосылки к этому были, но медлительность и несогласованные действия сил десанта по преследованию противника привели к потере времени и возможности.

Не являясь военным человеком, армейский комиссар чувствовал, что силы врага ограничены, что его солдаты напуганы и нужно ещё одно небольшое усилие для одержания полной победы. Всего одно верное решение, и враг будет вынужден оставить Крым, но как Мехлис ни старался, ключ, что открывал немецкий замок, так и не был найден, хотя все время был под рукой.

После падения Феодосии панические настроения в союзных немцам румынских войсках были так сильны, что Манштейн был вынужден отправлять для их укрепления своих солдат и офицеров. Один немецкий солдат командовал десятью румынскими солдатами, унтер-офицеры командовали взводами, а младшие офицеры – ротами и батальонами. Одновременно с этим среди самих немцев была проведена суровая воспитательная работа, и в первую очередь она коснулась офицеров. Под угрозой смертной казни было запрещено оставлять позиции без приказа командования, и судьба генералов Шпонека и Гимера, отданных под суд и приговоренных к расстрелу, была очень наглядным примером.

Решительной рукой Манштейн навел железный порядок, и когда, получив подкрепление, Козлов попытался прорваться к Симферополю и Джанкою, у него ничего не получилось. Убыль солдат и офицеров была огромна. Чтобы спасти положение, Манштейн отправил на фронт всех солдат из нестроевых подразделений и офицеров штаба.

Будь управление войсками более организованно, блистательный стратег и лучший ум германской мысли попал бы в окружение, но, к сожалению, этого не случилось. Авиационная поддержка была слабой, артиллеристы плохо координировали свою работу с запросами пехоты, а она, в свою очередь, не поддерживала действий танков. Благодаря этому часть огневых точек и опорные пункт обороны противника не были подавлены. Не имевшие поддержки танки, большей частью легкие, после прорыва передовой линии обороны оказывались легкой добычей противотанковых батарей, зенитных орудий и вооруженных гранатами солдат. Поэтому они несли неоправданные потери и отходили, а когда в бой вступала сама пехота, её останавливали при помощи пулеметов и заградительного огня из пушек и минометов.

Сумей комфронта отладить их совместные действия, и фронт был бы обязательно прован. По своим силам Крымский фронт превосходил противника, но Козлов не сумел этого сделать. Он руководил своими войсками из штаба фронта, покидая его исключительно по требованию Мехлиса или Ставки.

Не зная реальной обстановки и руководствуясь плохо проверенными данными, Козлов не сумел выполнить директиву Ставки по снятию блокады с Севастополя и освобождению Крыма от немцев. Объясняя свои неудачи малым числом гаубичной артиллерии, большими потерями в живой силе, упорным сопротивлением врага и наступившей весенней распутицей, он постоянно просил Сталина прислать ему ещё одну дивизию или бригаду, которая непременно сломает хребет «фашистскому зверю» Манштейну.

Возможно, генерал-лейтенант Козлов со временем и стал бы неплохим полководцем, наберись он боевого опыта в более спокойной обстановке, где не было ни Манштейна, ни Мехлиса. Ведь не за красивые глаза он стал генерал-лейтенантом и комфронта.

Но увы. Весною сорок второго он был в Крыму, где на него с одной стороны давил немецкий генерал-полковник пехоты, с другой – советский армейский комиссар 1-го ранга, и вкупе к этому Ставка в лице несносного Сталина требовала отчета об использовании предоставленных ему сил и средств. Ну как не загрустить военному человеку.

Известие о своем снятии с поста командующего фронта Козлов встретил со смешанными чувствами. С одной стороны, его терзала обида из-за снятия с поста, когда до победы над грозным Манштейном оставался шаг-другой. С другой стороны, он был сильно рад, что избавляется от общества Мехлиса, которого он больше боялся, чем ненавидел.

«Посмотрим, на сколько этого поляка хватит, прежде чем Мехлис его сломает», – зло думал генерал, готовясь сдать дела новому комфронта. В том, что конфликт между ним и Мехлисом обязательно произойдет, никто из работников штаба не сомневался. Представитель Ставки не мог обойтись без советов и нравоучений, но умница Рокоссовский сразу по прибытии сумел направить кипучую энергию заместителя наркома в созидательное русло. Встретившись с Мехлисом на аэродроме, Рокоссовский сразу заявил, что приехал сюда наступать. Что чем быстрее это произойдет, тем лучше, и будет рад принять со стороны товарища армейского комиссара любую помощь, но сначала он хотел бы осмотреться и вникнуть в положение.

Одним словом, он сказал то, что и хотел услышать от него Мехлис. Однако там же, на аэродроме, Рокоссовский показал представителю Ставки зубы. Представляя замнаркому группу прибывших с ним военных во главе с генералом Малининым, он обозначил его как нового начальника штаба фронта. В ответ Мехлис стал усиленно расхваливать нынешнего начштаба генерала Вечного, но комфронта остался при своем мнении. Ничуть не сомневаясь в способностях генерала Вечного, он заявил, что для быстроты дела будет лучше, если он не будет тратить драгоценное время на притирку характеров и начнет работать с теми, кого хорошо знает.

Видя настойчивость Рокоссовского и помня содержание телеграммы Сталина, Мехлис не стал спорить с генералом в этом вопросе, справедливо полагая, что последнее слово в этом вопросе он всегда сможет оставить за собой. Впрочем, эта размолвка быстро им забылась, поскольку уже через минуту армкомиссар был приятно удивлен. На вопрос, что он собирается делать, Рокоссовский сказал, что намерен принять дела у Козлова, доложить об этом в Ставку и засветло выехать в распоряжение 51-й армии генерала Львова, так как именно ей предстоит нанести главный удар в предстоящем наступлении.

То, что вновь прибывший командующий не только неплохо ориентируется в обстановке Крымского фронта, но и сам, без всякого давления рвется на передовую, серьезно повысило генерала в глазах Мехлиса. Он тут же предложил комфронта помощь и сопровождение его в поездке, и его предложение было с благодарностью принято.

Передача дел произошла буднично, сухо, без каких-либо эмоций. Козлов ожидал, что Рокоссовский будет его расспрашивать, интересоваться, но тот лишь поблагодарил за работу, пожелал успехов на новом месте службы и с головой ушел в работу.

Представив штабным их нового начальника генерала Малинина, Рокоссовский оставил всю прибывшую с ним команду в Керчи и отбыл в 51-ю армию, взяв с собой одного лишь генерал-майора Казакова.

– Не будем подвергать немцев соблазну одним ударом уничтожить новое руководство Крымского фронта, – пошутил генерал, объясняя свои действия Мехлису, привыкшему передвигаться по передовой с большой свитой.

– Вы боитесь немцев? – немедленно поинтересовался Лев Захарович, для которого нахождение в ста метрах от передовой, когда можно было приблизиться на пятьдесят метров, было признаком трусости.

– Нет, – честно признался комиссару Рокоссовский, за плечами которого были два года внутренней тюрьмы НКВД, – просто я хочу выполнить обещание, данное мною товарищу Сталину, и разбить подлеца Манштейна.

Против такого поворота армкомиссар ничего не мог возразить, и тема трусости развития не получила. К тому же Рокоссовский попросил его дать характеристику командующим крымскими армиями, и Мехлис с удовольствием занялся этим делом.

Ни один из трех командующих армиями, по мнению Мехлиса, не соответствовал занимаемой должности. Генералы Черняк и Колганов, по мнению посланца Сталина, совершенно не понимали сущность современной войны, а генерал Львов проявлял излишнюю осторожность во время наступления.

Зная от генерала Северцева, что лежал вместе с Рокоссовским в госпитале, об особенностях характера Мехлиса, Константин Константинович не стал спорить с собеседником или пытаться заступиться за своих армейских собратьев. То, что он увидел за двое суток пребывания на передовой, глубоко потрясло генерала. Огромное количество войск было бессмысленно и бездумно напихано вдоль всей короткой полосы Крымского фронта, одним единым толстым поясом. Без четкого разделения на передовые и главные рубежи обороны, без всякого намека на запасные рубежи обороны. Почти все соединения располагались совершенно открыто, без должного зенитного прикрытия, словно показывая временность своего положения на этом участке фронте и готовность идти вперед, вперед и вперед.

Эту неприглядную картину ещё больше усугубляло то, что изготовившиеся к штурму войска находились в зоне поражения артиллерией противника. Для разгрома скопившихся вдоль фронта частей немецким артиллеристам не нужно было менять позиции и подтягивать свои пушки к передовой. Будь такое положение войск при обороне Москвы, то столицу бы точно не удалось отстоять, и Новый год советскому командованию пришлось бы встречать где-нибудь под Казанью или Горьким.

Ничуть не порадовали генерала и те дивизии, что теперь находились в его подчинении. Около половины сил фронта составляли дивизии, сформированные в Закавказье, по национальному признаку. Грузинские, армянские, азербайджанские, сформированные ещё в двадцатых годах, они мало в чем изменились, хотя после реформирования в 1936 году получили армейские дивизионные номера.

Главная проблема этих соединений заключалась не в плохой воинской подготовке или низкой дисциплине, нет, славные дети гордого Кавказа были готовы драться за свою советскую Родину, главная трудность крылась в языке. Так, 396-я дивизия в своем составе имела 553 русских, 10 185 армян, азербайджанцев и грузин. Из них более двух третей плохо или совсем не понимали русский язык, на котором отдавались команды и происходило общение с другими военными соединениями фронта.

Столкнувшись с этой проблемой ещё в начале февральского наступления, Мехлис забросил Москву просьбами срочно прислать 15 тысяч «славянского» пополнения, но просьба заместителя наркома была трудновыполнима. Ставка смогла перебросить в Крым лишь одну дивизию, сформированную на Кубани, и на этом процесс встал, ибо нечем было заменить. Фронты пытались наступать вдоль всей линии советско-германского противостояния, и перебросить требуемую Мехлисом замену было не так-то просто.

Основные так называемые «славянские» дивизии находились в расположении армии генерала Львова, что нависла над левым флангом немецкой группировки. Это было удачное место для наступления, но после спешной замены стоявших там румынских соединений прибывшей в Крым по личному распоряжению Гитлера 28-й егерской дивизией Манштейну удалось стабилизировать фронт.

В двух других армиях Крымского фронта соотношение «славян» и «кавказцев» было неравномерно. Занимавшая центр фронта 47-я армия генерала Колганова имела соотношение примерно пятьдесят на пятьдесят, тогда как в 44-й армии генерала Черняка «туземные части» составляли почти две трети.

Не улучшил настроение генерала Рокоссовского и осмотр танковых бригад и батальонов, входящих в состав фронта. После неудачного наступления в феврале и марте в исправном состоянии в них имелось всего пятьдесят восемь машин, из которых КВ и Т-34 было всего девять машин, а остальные были легкими танками типа Т-60 и Т-26.

Благодаря нахрапистости и высокому положению Мехлиса, танковые войска фронта тонкой струйкой, но все же начали пополняться боевыми машинами. В их числе были и средние и тяжелые танки, но даже этот факт не восполнял понесенные фронтом потери.

Когда же Рокоссовский поинтересовался состоянием авиации фронта, то узнал, что из шестнадцати авиационных соединений, подчиненных фронту, лишь только семь базируются в Крыму. Остальные находились на аэродромах Кубани, из-за чего время их нахождения в воздухе, над местом боевых действий, было сильно сокращено.

В общем, увиденная им картина, что называется вживую, а не на бумаге, не сильно обрадовала молодого генерала, а если быть точным, то совсем не порадовала. Однако пройдя через горнило горьких сражений под Ровно, Смоленском, Вязьмой и Москвой, Рокоссовский не собирался опускать руки и прятаться за причины. Ещё в первый день своей поездки на передовую он брал на карандаш выявленные недостатки и обдумывал способы их устранения.

Сразу после ознакомления возвращаясь на машине, он вместе с Казаковым, что называется «прямо на коленке», набрасывал общий план своего доклада Сталину. Делалось это быстро и легко, благо Мехлис находился в другой легковушке, вместе со своими политработниками.

Верный своему комиссарскому призванию, он использовал приезд нового комфронта для проведения политической накачки комсостава и бойцов соединений. С одной стороны, приезд боевого генерала, героя обороны Москвы, присланного личным распоряжением Сталина, серьезно вдохновил рядовых и командиров, но с другой – отнимал и без того малое время, бывшее в распоряжении Рокоссовского.

Положение было довольно щекотливым, но генерал сумел из него выйти с малыми потерями. Согласившись на время стать «главным украшением стола», он поручил Казакову собрать нужные сведения, что тот с блеском и сделал.

Едва Рокоссовский переступил порог штаба фронта, как генерал Малинин, слегка волнуясь, доложил ему:

– Звонил товарищ Сталин. Он просил связаться с ним сразу по прибытии.

Спустившись в просторный подвал, где располагался главный узел связи, Рокоссовский был приятно удивлен. Вместо привычного аппарата Бодо, по которому из-за гарантии сохранения секретности большинство штабов фронта вели переговоры со Ставкой, на столе стояло

несколько телефонов прямой связи со штабом Закавказского фронта, штабом Черноморского флота и, конечно, с Москвой. Присутствие заместителя наркома обороны обязывало.

– Здравствуйте товарищ Сталин, – приветствовал вождя Рокоссовский, едва связь с Верховным Главнокомандующим была налажена.

– Здравствуйте товарищ Рокоссовский. Вы уже приступили к командованию фронтом и вникли в курс дела? Товарищ Мехлис вам помог? – голос в трубке звучал приглушенно, но он не помешал комфронту уловить скрытый подтекст в этом вопросе.

– Да, товарищ Сталин. Лев Захарович оказал неоценимую помощь в скорейшем понимании проблем фронта, – заверил генерал, стараясь при этом не смотреть в сторону стоявшего рядом с ним Мехлиса. Зная взрывной характер представителя Ставки, он не хотел рисковать и быть неправильно понятым.

– Очень хорошо, – констатировал Сталин, – тогда скажите, когда вы намерены наступать? Манштейн опытный противник, и каждый лишний день, подаренный ему вами, сверх того, что ему уже подарил товарищ Козлов, может дорого стоить нашим войскам.

– Мы все это прекрасно понимаем и полностью согласны. Я вижу главной задачей фронта только наступление, ибо оборона – это заведомый проигрыш, товарищ Сталин. По моему мнению, наступление возможно через две недели, не раньше, – твердо заявил Рокоссовский, краем глаза уловив какое-то движение со стороны Мехлиса, но не обратил на него никакого внимания. Он разговаривал со Ставкой, лично с товарищем Сталиным, и не нуждался ни в чьих советах и мнениях. Если представителю Ставки нужно высказать свое мнение, он свободно может сказать по параллельному аппарату.

– Две недели, – несколько недовольно протянул Сталин, – мы ожидали, что ваша раскачка займет неделю, максимум полторы.

– Вы просили меня говорить вам правду, товарищ Сталин, – напомнил собеседнику Рокоссовский, – поэтому я честно говорю – на сегодняшний день войска фронта к скорому наступлению не готовы. Нам необходимы две недели минимум, чтобы ликвидировать те недостатки, что выявлены мной и генералом Казаковым в ходе знакомства с армиями фронта.

– И что же вы такого выявили с генералом Казаковым? – глухо поинтересовалась трубка, и Рокоссовскому вновь показался скрытый подтекст в словах его собеседника. – Несоответствие дивизий их штатному расписанию и малое число артиллерии? Если это, то знайте, что ваш предшественник получил пятьдесят два миномета калибром 82 и 120 миллиметров, а также два дивизиона реактивных минометов.

– Нет, товарищ Сталин. В первую очередь мы собираемся к обозначенному сроку вернуть в строй находящиеся сейчас в ремонте танки, общим числом двадцать машин, и получить обещанные фронту двенадцать танков КВ и Т-34. Все это позволит создать крепкий танковый кулак, который так хорошо показал себя под Москвой. Очень надеемся успеть увеличить число базирующихся в Крыму авиаполков с шести до десяти. Без прочного и постоянного воздушного прикрытия наступление войск обречено на большие потери, мы это уже проходили. Также мы намерены изменить общее расположение войск, товарищ Сталин. Сейчас все силы фронта сосредоточены вдоль передовой так плотно и кучно, что достаточно одного массивированного артналета или удара авиации, чтобы сорвать наступление. . . – Рокоссовский уверенным, неторопливым голосом перечислил все то, что они успели обсудить с Казаковым, и, закончив говорить, с затаенным сердцем стал ждать вердикта собеседника на свои слова.

Когда генерал закончил, трубка некоторое время молчала, и в этом молчании, в отсутствии грозного крика, он увидел для себя хороший знак.

– Это все, товарищ Рокоссовский?

– В общих чертах да, товарищ Сталин. Ещё бы хотелось успеть провести углубленную разведку передовой противника. Манштейн снял из района Киета румынские части и заменил их егерями. Учитывая ограниченность его сил, он наверняка переместил их в более спокойное

место. Как солдаты, румыны крайне ненадежны и слабы, и мы хотим выяснить их месторасположение. Если это будет сделано, то, нанеся по ним отвлекающий удар, мы вынудим Манштейна начать рокировку и в этот момент ударим главными силами.

– Ваш замысел неплох, и его следует обязательно обсудить с маршалом Шапошниковым, но меня сейчас интересует другое. Вы действительно уверены, что к указанному вами сроку вы сможете устранить все перечисленные вами недостатки?

– Если Ставка утвердит предложенные нами сроки наступления, то мы приложим все силы, чтобы подготовить войска фронта к обозначенной дате.

В трубке вновь возникло непродолжительное молчание. Сталин обдумывал доводы своего выдвигенца, а затем спокойно и буднично произнес:

– Я думаю, Ставка и Генеральный Штаб дадут вам две недели на устранение выявленных вами недостатков, товарищ Рокоссовский. В том, что нельзя идти в наступление без сильного танкового кулака и воздушного прикрытия, мы полностью согласны. Но почему вы не просите дополнительных сил? Ваш предшественник и товарищ Мехлис всегда просили подкрепление, а вы молчите, или вы считаете, что у вас их в избытке? – с хитринкой поинтересовался вождь.

– Сил вполне хватает. Надо только их правильно распределить, и по этому поводу мы намерены произвести определенные действия. Манштейн – умный противник. Он не исключает возможность нового наступления и, скорее всего, ждет его. Чтобы ввести его в заблуждение относительно наших наступательных планов, мы предлагаем произвести имитацию перехода к обороне. Отвести часть войск от переднего края к Турецкому валу и начать рытье траншей и окопов. Воздушная разведка противника обязательно заметит эти действия, а перед самым началом наступления мы вернем войска на передовую, благо расстояние здесь небольшое.

Слова Рокоссовского об обмане противника и скрытом перемещении войск очень понравились Сталину. Он лично курировал секретность сосредоточения свежих армий под Москвой, чье появление оказалось совершенной неожиданностью для немцев и стало решающим фактором в успешном контрнаступлении. Примерно та же картина была и под Ростовом, и Сталин был рад развитию этого опыта.

– Вы извлекли неплохие уроки из нашего контрнаступления под Москвой, товарищ Рокоссовский. Скрытность действий и умелое введение врага в заблуждение – это половина успеха предстоящего дела. Направьте все ваши соображения относительно подготовки предстоящего наступления в Ставку маршалу Шапошникову. Мы постараемся максимально помочь вам правильно его организовать.

– Спасибо за помощь и доверие, товарищ Сталин. Я сегодня же вышлю в Москву наши планы, – заверил Верховного генерал.

– Всегда рады помочь, товарищ Рокоссовский. Есть какие-либо просьбы?

– Да, товарищ Сталин. Если можно, я бы хотел оставить в Крыму генерала Козлова.

– Вот как? – удивился Верховный. – И в качестве кого вы хотите его использовать?

– Пока трудно сказать. Возможно, в качестве командующего армией.

– Хорошо, Ставка рассмотрит вашу просьбу. Что-нибудь ещё?

– Нет, – коротко обрубил комфронта.

– В таком случае успехов вам и вашей команде. Держите нас в курсе всех ваших событий и плотно контактируйте с товарищем Мехлисом.

– Обязательно, товарищ Сталин. До свидания, – Рокоссовский положил трубку и машинально стер со лба густой пот. Разговор с Верховным дался ему нелегко.

– Прежде чем вы отправите свои предложения в Москву, я намерен с ними ознакомиться, товарищ командующий фронтом, – недовольным голосом произнес Мехлис, обиженный тем, что Рокоссовский не согласовал свои намерения с ним.

– Обязательно, товарищ заместитель наркома. Я только что хотел просить вас об этом, но вы меня опередили. Михаил Сергеевич, – обратился комфронта к Малинину, – прикажите принести в кабинет карту и чаю, и начнем работу.

– Вы действительно хотите использовать в работе генерала Козлова? – спросил Мехлис, подозревая в намерении Рокоссовского хитрый подвох.

– Если вы, Лев Захарович, против, скажите. Я отзову свою просьбу в Ставку, но мне кажется, что генералу Козлову следует дать шанс проявить себя в деле.

– Но почему здесь? Москва наверняка нашла бы ему дело.

– Генерал Козлов худо-бедно, но знаком с местными условиями. Он не справился на посту командующего фронтом, но на посту командарма или его зама его можно использовать. Например, вместо Черняка, – предложил Рокоссовский, но его слова не нашли отклика со стороны Мехлиса.

– Лично я против использования Козлова на посту командарма, но не стану настаивать на этом перед Ставкой. Совместная работа командно-политических составляющих фронта для меня важнее личного, – многозначительно произнес Мехлис, ожидая ответного хода со стороны комфронта, и он без замедления последовал.

– Я полностью с вами согласен, товарищ заместитель наркома. Идемте работать? – учтиво уточнил Рокоссовский, и Мехлис удовлетворенно кивнул головой.

– Идемте.

К скорому наступлению в Крыму готовился не только вновь назначенный на пост командующего Крымским фронтом генерал Рокоссовский. По ту сторону фронта генерал-полковник Манштейн готовил свою наступательную операцию под хитрым названием «Охота на дроф».

Примерно в то же время, что и Рокоссовский, командующий 11-й армией обсуждал цели и задачи предстоящей операции с генерал-лейтенантом Фреттером-Пико. В целях недопущения утечки информации на сторону командир румынского корпуса Флоря Митранеску приглашен не был.

Шел апрель, наступала пора подготовки и исполнения плана «Блау», плана вторжения немецких войск на Кавказ и выхода к Волге. Намечалось новое широкомасштабное наступление на восток, и Гитлер спешил обеспечить спокойствие своему правому флангу.

Несколько дней назад Манштейн получил приказ из ставки Гитлера о скорейшем очищении Крыма от вражеских войск.

– Значит, вы категорически отказываетесь наносить удар во фланг 51-й армии русских, господин генерал-полковник? Конфигурация линии фронта очень благоприятствует этому. Один хороший удар, и мы сможем отсечь главные силы русских от остальных их войск, чтобы затем уничтожить, – допытывался у командующего Пико.

– Идея прекрасная, но не следует забывать о цене, которую придется заплатить ради её реализации. На этом выступе сосредоточено почти две трети всех русских войск, находящихся в Крыму, и именно здесь они ждут нашего удара. Здесь их танки и противотанковая артиллерия, здесь их лучшие силы, тогда как на юге, согласно данным разведки, фронт держат исключительно «туземные» части. Укрывшись за мощным противотанковым рвом, они совершенно не ждут удара в этом направлении. Подобно французам, искренне верившим в неприступность укреплений линии Мажино, русские считают свой левый фланг в полной безопасности.

– Недавно я осматривал укрепления рва и могу твердо заявить, что за один день, при всех самых благоприятных условиях, мы не сможем прорвать его.

– Совершенно с вами согласен, генерал. Поэтому мы должны убедить противника, что главный удар мы будем наносить на севере, а все наши действия на юге – это отвлекающий маневр. Чем сильнее мы вобьем эту мысль в голову противника при помощи многочисленных

ложных батарей и радиопереговоров, тем будет легче действовать нашим саперам при штурме русских позиций.

– Кстати, у русских появился новый командующий фронтом, какой-то генерал Рокоссовский. Наверняка новый любимчик Сталина типа генерала Еременко, которого Гейнц Гудериан раскатал впух и впрах своими «роликами» в августе прошлого года, – радостно вспомнил былые времена генерал Фреттер-Пико. – Вам что-нибудь известно об этом спасителе Крыма?

– Фон Бок действительно разбил его армию под Вязьмой, но затем Рокоссовский неплохо показал себя при обороне Москвы. Видимо, настолько хорошо, что сам Сталин, несмотря на его явно польское происхождение, назначил его командующим войсками фронта. Я уже сделал на него запрос в абвер, но результатов пока нет.

– Каким бы гением он ни был, справиться с евреем Мехлисом он точно не сможет, – хохотнул Пико. – Сдавшийся в плен капитан Березин очень красочно описывал на допросах страх, который испытывают русские военные перед посланником Сталина, что мне даже стало жалко их.

– Да, пока в Крыму присутствует этот фанатик, полностью лишенный способности разбираться в специфике управления войсками, я полностью спокоен за успех предстоящей операции, – согласился с собеседником Манштейн. – Его напористость свяжет руки любому русскому генералу, но если этого не случится, то у русских вряд ли хватит сил противостоять натиску 4-го воздушного флота фон Рихтгофена.

Манштейн с любовью постучал карандашом по одной из отметок на карте.

– Совместным ударом с артиллерией наши асы основательно перемешают все это русское болото, и пока они будут приходить в себя, восстанавливать связь и налаживать порядок в войсках, уже будет поздно. 22-я танковая дивизия генерал-лейтенанта фон Апеля выйдет на оперативный простор и двинется на Керчь. Местная степь – прекрасное место для танкового броска. Единственное место, где танкисты могут споткнуться – Турецкий вал, но мы уже подготовили противоядие на этот случай в виде воздушного десанта.

Удовлетворенный созданной им картиной, Манштейн закурил и снисходительно посмотрел на собеседника, ожидая его сдержанной критики.

– Вы так уверены в пробивной силе танков фон Апеля, хотя их основу составляют трофейные чешские и французские легкие танки. Для русских КВ и Т-34 они представляют собой легкую цель, – осторожно уточнил Пико, но Манштейн только усмехнулся в ответ.

– Не стоит прибедняться. Двадцать с небольшим средних танков с 24-калиберным 75-миллиметровым орудием – это далеко не пустяк в любом бою. К тому же, согласно данным разведки, все русские бригады находятся на северном фланге русской обороны и наверняка не успеют перехватить наши танки. А что касается чешских танков, то их орудия смогут взломать любую пехотную оборону врага, при правильном применении.

– Да, несмотря на успехи русских войск под Москвой и Ростовом, танкобоязнь среди их солдат не изжита. Допросы тех русских военных, что согласились сотрудничать с нами, об этом очень наглядно говорят, – согласился с командующим Фреттер-Пико.

– Если все пройдет так, как мы планируем, и весенняя погода не преподнесет нам неприятных сюрпризов, то русские получат мат в два хода. Вся операция займет времени около двух недель, не больше, – подчеркнул Манштейн. – После чего мы полностью переключимся на решение проблемы Севастополя.

– Морская крепость русских – очень крепкий орех, господин генерал, и для него нужны очень крепкие щипцы, – со вздохом произнес командующий 30-м армейским корпусом, чьи солдаты уже дважды обжигались на этом каленом орешке.

– Если, говоря о щипцах, вы подразумевали подкрепление, то скажу прямо – его не будет. Все, что Берлин мог дать нам, он уже дал в феврале. Единственную помощь, которую мне удалось получить у фюрера, это его согласие на переброску под Севастополь сверхмощных осад-

ных орудий «Дора». Очень надеюсь, что они смогут заткнуть рот батареям фортов «Максим Горький», что сорвали оба наших прошлогодних штурма.

– А что авиация?

– Фюрер согласен оставить в нашем распоряжении флот Рихтгофена только до начала июля, после чего он перебрасывается под Ростов. Там ожидается большое наступление, и фюреру будет нужна его ударная сила на берегах Дона и Волги. Поэтому в нашем распоряжении меньше трех месяцев, чтобы совместными силами расколоть русские орехи и сделать Крым полностью немецким.

– Я очень сомневаюсь, господин генерал-полковник, что даже при помощи «Доры» и асов Рихтгофена мы сможем в столь короткий срок овладеть такой крепостью, как Севастополь. Даже если мы сбросим русских в море у Керчи и навалимся на Севастополь всеми своими силами, нам все равно будут нужны свежие подкрепления, – убежденно заявил генерал, и Манштейн был вынужден согласиться с ним.

– Давайте сначала разберемся с Рокоссовским, а затем приступим к «Лову осетра». После одержанного успеха у командования всегда легче просить подкрепление, чем клянчить его после неудачи.

– Вы совершенно правы. Голос победителя убедительнее звучит, чем голос неудачника, – поддержал командующего Пико, и генералы занялись обсуждением деталей предстоящей операции.

Глава III. «Охота на дроф». Дебют

Случайность это или закономерность, но чем ближе начало любой тщательно подготовленной и разработанной операции, тем более велика вероятность её срыва или осложнения исполнения из-за банального форс-мажора. Его, как правило, невозможно предугадать или просчитать, поскольку в основе этих действий лежат либо эмоции, либо стечение обстоятельств. Таким форс-мажором стал перелет от немцев в ночь с 4 на 5 мая хорватского летчика, решившего, что ему больше не по пути с Адольфом Гитлером и поглавником Павеличем. При чем бегство летчика создавало серьезную угрозу для наступательных планов как Манштейна, так и Рокоссовского.

Ценной и полезной информации для военных и органов разведки лейтенант Бойко Петрович смог предоставить довольно мало. Занимая малозначимое место на одном из второстепенных аэродромов немцев, он и не мог знать об «Охоте на дроф» по определению. Весь его «улов» состоял из пьяной болтовни немецких летчиков пикирующего бомбардировщика «штуки», севших на запасной аэродром по техническим причинам. Главные ударные силы 4-го авиационного корпуса стали прибывать в Крым частями с конца апреля и базировались под Симферополем, вдали от любопытных глаз.

Летчики, севшие на аэродром Бойко Петровича, очень боялись не успеть к началу сражения, назначенного на 7 мая. Приняв хорошую дозу спиртного, они весело шутили, как всалят свои бомбы в штаб главного красного генерала.

Большой ценности сведения, полученные от хорвата, для советского командования не представляли. Мало ли чего могли говорить немцы, находясь в хмельном подпитии. Даже если это не была провокация, о чем сразу подумал допрашивавший Петровича лейтенант государственной безопасности Первухин, они могли лишь насторожить командование фронтом, и не более того.

Однако одна случайность счастливым образом легла на другую случайность, имевшую непосредственное отношение к спецслужбам.

С момента вступления на пост комфронта генерал Рокоссовский потребовал усилить работу разведки как на передовой, так и за линией фронта. В числе тех, кто находился по ту сторону фронта, был партизанский отряд «За Родину», состоявший как из гражданских лиц, так и из разведчиков, заброшенных в тыл врага в начале феодосийского наступления. Так и не дождавшись прихода регулярных частей, они занялись сбором разведывательной информации и регулярно передавали ее по рации.

Среди партизан был сбитый летчик, который был хорошо знаком с немецкой авиацией. Именно он смог разобраться в силуэтах вражеских самолетов в небе, вот уже несколько дней большим числом летевших к линии фронта. Об этом своевременно было доложено куда следовало – незадолго до перелета хорватского летчика, и оба факта, оказавшись в руках майора государственной безопасности Зиньковича, были удачно связаны друг с другом.

Доложенные в тот же день командующему войсками фронта, они произвели эффект взорвавшейся бомбы, так как не столько раскрывали правду о намерении врага, сколько ставили под угрозу собственное наступление. Все дело заключалось в том, что обещанное Рокоссовским Сталину наступление было уже один раз отложено, к огромному неудовольствию Мехлиса.

За двое суток до начала операции между Рокоссовским и Ставкой состоялся разговор, в котором Сталин спросил командующего о степени готовности войск фронта к наступлению.

– Я знаю вас как честного и ответственного человека, поэтому спрашиваю вас прямо. По вашему мнению, насколько готовы ваши войска к предстоящему наступлению? Не скрою, что нам очень нужна победа в Крыму, но совершенно не нужны бессмысленные и неоправданные

потери ради выполнения приказа свыше. Подручные господина Геббельса и так уже растребили по всему миру, что мы отсталяли Москву, лишь забросав войска вермахта трупами своих солдат.

Слушая мягкий и неторопливый голос Верховного, Рокоссовский только смутно догадывался о причинах, побудивших Сталина изменить свою позицию по наступлению в Крыму. Он не знал, что после трагической гибели 33-й армии генерала Ефремова между вождем и маршалом Шапошниковым произошел обстоятельный разговор. Его итогом стало признание того, что немцы оправились от зимних контрнаступлений Красной Армии и для борьбы с ними нужны иные тактика и стратегия.

Проявляя полную солидарность с тем, что уход в глухую оборону – это губительный шаг для Советского Союза, маршал предложил провести ряд небольших, но хорошо подготовленных операций по всему фронту. Они должны были если не сорвать новые наступательные планы немцев, то серьезно их затруднить и создать благоприятные предпосылки для подготовки полномасштабного контрнаступления Красной Армии.

По самым скромным подсчетам, к ноябрю месяцу должно было завершиться её перевооружение, начатое в сентябре 1939 года. Кроме новой техники и вооружения намечалось создание крупных танковых и авиационных соединений по типу немецких армий.

Слова маршала Шапошникова нашли полное понимание со стороны Сталина, который уже стал неплохо разбираться в тонкостях военного искусства. Поэтому в разговоре с Рокоссовским вождя интересовал успех дела, а не его покорное исполнение.

Всего этого Рокоссовский знать, естественно, не мог, но уловив тональность заданного Сталиным вопроса, постарался извлечь из него выгоду.

– Войска фронта готовы к наступлению на восемьдесят процентов, товарищ Сталин, – честно признался генерал и вместо открытого недовольства услышал мягкий вопрос:

– Скажите, товарищ Рокоссовский, а что входит в эти двадцать недостающих войскам фронта процентов?

– В основном в эти двадцать процентов входит авиация, товарищ Сталин, – честно признался командующий войсками фронта, чем вызвал бурную мимику на лице заместителя наркома, присутствующего при этом разговоре. – Но в этом нет никакой вины генерала Николаенко. Главная проблема заключается в аэродромах, на которых нужно разместить самолеты, подчиненные фронту, для сокращения времени вылета.

– Все понятно, меняете длинную руку на короткую, что в ваших условиях крайне важно. Хотите как можно сильнее стукнуть немцев?

– Не столько стукнуть, сколько прикрыть войска от самолетов противника, – произнес Рокоссовский и сразу вспомнил тот хаос, что творился в небе над его войсками в сорок первом году. Сталин, видимо, вспомнил то же самое, потому что, чуть кашлянув в трубку, он произнес:

– Давайте вернемся к вопросу о наступлении, когда ваши войска будут готовы если не на все сто процентов, то хотя бы на девяносто пять.

Рокоссовский моментально согласился, и, к сильному разочарованию Мехлиса, операция была отложена на несколько дней, по инициативе Ставки. Мысль о третьем удачном контрнаступлении по-прежнему владела умом и сердцем заместителя наркома.

Когда Зинькович закончил свой доклад, первое, что спросил Лев Захарович майора, верит ли он сам в полученную информацию и не является все это хитрой провокацией.

– Нет, товарищ армейский комиссар первого ранга. Если бы немцы хотели подсунуть нам дезинформацию, то на роль информатора они бы направили к нам перебежчика, заслуживающего большего доверия, чем этот хорват. Например, сочувствующего нам антифашиста или мобилизованного в армию коммуниста. Мы уже сталкивались с подобными случаями.

– А если это хитрая провокация, немцы мастера на такие хитрости? – не унимался Мехлис, но Зинькович твердо стоял на своем.

– В таком случае перебежчик предоставил бы нам вместо подслушанной болтовни документальное подтверждение своих слов. Например, секретный приказ или карту с нанесенной на ней дислокацией войск, или на худой конец назвал бы точный час и место начала наступления.

– И это все, что вы можете сказать, – язвительно уточнил посланник Сталина, но его тон, от которого бывшего комфронта Козлова бросало в дрожь, не оказал должного воздействия на майора. Гордо одернув гимнастерку и сверкнув рубиновым ромбом, он четко и ясно заявил Мехлису:

– Те данные, которыми я располагаю на данный момент, позволяют мне предположить, что немцы готовят скорое наступление, товарищ заместитель наркома. Что касается возможности провокации со стороны врага, то у меня нет убедительных данных так считать.

Услышав эти слова, Мехлис вперил в Зиньковича пронзительный взгляд, но майор с честью выдержал это нелегкое испытание.

– Ну а вы что считаете, товарищ командующий фронтом? Какова ваша оценка фактов, изложенных в докладе майора Зиньковича? – спросил у Рокоссовского несколько обескураженный Мехлис.

– Я полностью согласен с выводами Александра Аверьяновича. Все это очень похоже на правду. Для прорыва фронта немцы всегда применяли свои «штуки», это их излюбленный прием – можете мне поверить, – с грустью заверил заместителя наркома Рокоссовский. – И если они появились на нашем фронте в большом количестве, значит, нам следует ждать наступления противника со дня на день.

– И что вы намерены делать? Упредить наступление противника, не так ли? На мой взгляд, это единственно верное решение... – утверждающе произнес Мехлис, но как бы ни был грозен его вид, в голосе отчетливо звучали нотки боявшегося получить отказ человека. Уж слишком долго он ждал момента воплощения своих надежд и ожиданий, однако ответ Рокоссовского разнес их вдребезги.

– В сложившейся обстановке я не уверен в правильности подобного решения, – честно признал генерал, чем поверг заместителя наркома в шок.

– Как это так – вы не уверены?! Это значит, что вы снова намерены отложить наступление? А как же ваше обещание товарищу Сталину разгромить немцев в самое ближайшее время? Или вы намерены разгромить врага сидя в обороне? – принялся метать молнии в Рокоссовского Мехлис, но тот его не испугался.

– Начинать наступление, зная, что в любой момент можно получить контрудар, это слишком большой риск. Если бы мы точно знали, где и когда немцы намерены нанести удар, упреждающий удар имел бы смысл, но бить наугад – непозволительная роскошь в нашем положении, товарищ заместитель наркома.

– Даже если мы прорвем оборону противника и выйдем в тыл его группировки?! – взгляд Мехлиса пылал благородным негодованием обманувшегося в своих надеждах человека.

– Нет твердой гарантии того, что мы сможем быстро прорвать оборонительные позиции немцев. Они ждут нашего наступления на севере и наверняка приготовились к затяжной обороне. Увязнув в её преодолении, мы можем получить удар во фланг, и на этом все и закончится. Гораздо разумнее дать врагу ударить первому, выяснить направление его главного удара и только тогда отдавать приказ о наступлении.

– Я вас хорошо понял, товарищ Рокоссовский, – с гневом произнес Мехлис, – о вашей вредоносной позиции, направленной на срыв наступления, будет сегодня же доложено в Москву, товарищу Сталину. Можете не сомневаться! И о вашем в ней участии, товарищ майор, тоже, – грозно пообещал Зиньковичу Мехлис.

Будь на месте Рокоссовского Козлов, после этих слов он бы наверняка попытался отговорить Мехлиса от подобных действий, но «литвин» был сделан из иного теста.

– Это ваше законное право, товарищ заместитель наркома. Но прежде чем вы это сделаете, я хотел бы просить вас присутствовать при моем разговоре со Ставкой. Я считаю, что полученные сведения нужно довести до сведения товарища Сталина, и мне бы не хотелось, чтобы у него сложилось мнение, что в штабе Крымфронта нет единого мнения.

Слова генерала несколько озадачили Мехлиса, ибо не укладывались в его привычную линейную логику. Рокоссовский не юлил, не уговаривал и не хитрил. За время общения с комфронтом, представитель Ставки быстро уяснил, что по спорному вопросу он предпочитает договориться, а не идти окольными путями.

Как бы Мехлис ни был взвинчен сомнением генерала в нужности наступления, но с логикой его предложения согласился.

– Хорошо. Я думаю, это будет честно в отношении друг друга, но прежде чем звонить, ответьте мне на вопрос. Если товарищ Сталин прикажет вам наступать, вы это сделаете или будете искать новые увертки?

– Я это сделаю, товарищ Мехлис, – твердо заверил собеседника Рокоссовский, и, посмотрев ему в глаза, Мехлис не нашел повода усомниться в его искренности.

Полный уверенности в благополучном для себя исходе спора, Мехлис быстро связался сначала с секретарем Сталина Поскребышевым, а затем и с самим вождем. С плохо скрываемым превосходством он слушал, как Рокоссовский докладывал Верховному положение дел, как вождь делал различные уточнения и генерал отвечал ему.

Вот разговор закончился, и, по расчетам Мехлиса, Сталин должен был дать гневную отповедь собеседнику, но вместо этого в разговоре возникла пауза, а затем Верховный спросил:

– Как вы считаете, товарищ Рокоссовский, смогут выдержать войска фронта удар врага или нам следует ожидать наихудшего варианта развития событий? – Голос вождя был немного глуховат, но для главного комиссара страны он прозвучал оглушительным громом.

– Мне трудно ответить на этот вопрос, товарищ Сталин, не зная точного места наступления, – честно признался командующий. – Исходя из логики, самый удобный и эффективный удар – во фланг армии генерала Львова. Однако генерал Манштейн умный и хитрый противник, и он может предпочесть нестандартный ход, как в центре фронта, так и на его южном фланге. Более точно можно сказать после первых суток немецкого наступления.

– Хорошо, я задам вопрос иначе. Все ли вы сделали для того, чтобы не допустить прорыв фронта врагом, а если это случится, не дать немцам развить успех? Ведь, насколько мне не изменяет память, вы начали возводить дополнительные оборонительные рубежи, с целью дезинформации противника. Насколько успешны ваши результаты в этом направлении?

– Да, мы многое сделали по укреплению наших позиций и за оставшееся время постараемся достичь максимума по этому вопросу, – радостно заверил Сталина Рокоссовский, поняв, что вождь не настаивает на немедленном наступлении.

– Я обязательно передам ваше сообщение маршалу Шапошникову, и мы примем решение по вашему фронту, товарищ Рокоссовский. Но, пока суд да дело, немедленно начинайте укрепление вашей обороны не только на её первых рубежах, но и на вторых, и даже третьих. Пусть по этому поводу товарищ Мехлис обратится к местным партийным руководителям для привлечения к строительным работам мирного населения Керчи.

– Он уже обращался, и местные товарищи оказали нам существенную помощь.

– Пусть обратится ещё раз. Когда враг стоит у ворот города, каждый его житель должен внести свой вклад в его оборону. Так и передайте товарищу Мехлису. У него очень хорошо получается поднимать народ на борьбу. Вы все поняли?

– Да, товарищ Сталин, понял. Разрешите выполнять?

– Выполняйте. Вечером мы вам позвоним, будьте у аппарата, – сказал Верховный, и связь прервалась.

За все время разговора Мехлис ни разу не пытался вклиниться в него, хотя имел для этого все возможности, благодаря второй трубке. У аппарата правительственной связи такая функция имела. Сначала это было ненужным, а потом уже было поздно. Вождь принял решение, и спорить с ним Лев Захарович не рискнул, уж слишком отличался нынешний Сталин от Сталина трехнедельной давности.

Получив конфуз, Мехлис не стал выяснять его причину, а моментально с головой окунулся в работу. Многие московские интеллигенты назвали бы его хамелеоном, но ни у Рокоссовского, ни у Зиньковича и мысли не было сравнить заместителя наркома с этим пресмыкающимся. Перед ними стоял энергичный и деятельный человек, получивший к исполнению приказ.

– Куда следует направить гражданское население на строительство оборонительных рубежей? К генералу Львову или Черняку? – деловито спросил Мехлис, нависнув над картой полуострова.

– Нет, Лев Захарович, людей следует направить на Турецкий вал и внешние обводы Керчи, и чем скорее, тем лучше.

– Даже так? По-моему, вы неверно понимаете слова товарища Сталина относительно вторых и третьих рубежей обороны, уделяя им излишнее внимание, при этом забывая о передовых рубежах, – не согласился с генералом Мехлис.

– За передовые рубежи я относительно спокоен. Единственным их слабым местом является противотанковая оборона. Во многих местах она расположена в одну линию, а не в эшелон, как то предписывает директива Ставки. Генерал Казаков постоянно занимается исправлением этого дефекта, и будем надеяться, что успеет к седьмому мая. Что касается Турецкого вала и внешнего городского обвода, то согласно рапорту подполковника Москальца, земляных работ там осталось немного.

– Вы намерены оставить там дивизию генерала Книги и 156-ю дивизию полковника Алиева или перебросите их поближе к передовой?

– Турецкий вал – это идеальное место для обороны, и оставить его незащищенным – преступная ошибка. Пусть дивизии Книги и Алиева пока останутся на этом рубеже в качестве фронтального резерва. Ответственным командиром этого рубежа я хочу назначить генерала Козлова. Вы не возражаете, Лев Захарович? – Рокоссовский вопросительно посмотрел на «мучителя генералов», ожидая энергичных протестов, но они не последовали.

– Я уже говорил вам, Константин Константинович, что Козлов – это ваша головная боль. Если считаете нужным назначать, назначайте, вы командующий войсками фронта, – отрезал Мехлис.

– С валом и резервами решили. Теперь давайте рассмотрим ещё один важный вопрос. Предположим, что враг все-таки прорвал нашу оборону и бросил в прорыв свои танки. За северный фланг я спокоен. Там высокая плотность войск и быстрого продвижения немцы не достигнут, а вот южное побережье будет полностью открытым... – генерал сделал паузу, и Мехлис моментально развил не высказанную им мысль:

– Степь, оборонительных рубежей нет, и для немецких танков не составит большого труда быстро «добежать» до вала. И чем вы намерены им противодействовать?

– В первую очередь штурмовиками «илами», но учитывая, что их у нас всего одиннадцать, этого мало. Самый лучший вариант – это корабли; крейсер или несколько эсминцев, которые смогут атаковать танки врага в лоб, с боков и сзади. Я уже обращался к адмиралу Октябрьскому с просьбой выделить отряд кораблей для поддержки нашего наступления со стороны Азовского моря, но он подобен царю Кощею, что чахнет над золотом. Упрямо требует воздушного прикрытия, без которого отказывается выводить корабли в море. Товарищ заместитель наркома обороны, обратитесь, пожалуйста, к командующему Закавказским фронтом Семену Михайловичу Буденному, чтобы к седьмому числу моряки подготовили к выходу в

море крейсер или несколько эсминцев. На всякий пожарный случай... – генерал выразительно посмотрел на Мехлиса.

– Хорошо, я постараюсь разрешить вашу проблему с царем Кощеем, – кивнул замнаркома и стал быстро набрасывать что-то в походном блокноте.

Югославский перебежчик Бойко Петрович не обманул. Седьмого мая 4-й авиационный корпус люфтваффе обрушил всю свою ударную мощь на советские позиции, раскинувшиеся от одного моря до другого.

Несмотря на предупреждение командования, посты ПВО засекали появление самолетов противника на самом подходе к линии фронта. Пока посты доложили в свой штаб, а тот, в свою очередь, в штаб фронта, пока был дан приказ истребителям на взлет и они поднялись в воздух, ушло очень много времени.

Очень много для тех, на кого с пронзительным завыванием обрушились эскадрильи немецких Ю-87. Маленькая темная точка в небе моментально превращалась в стремительно надвигающегося ангела смерти, с той лишь разницей, что вместо меча, сносящего голову, у «певунов» были бомбы, который они всаживал в цель с ювелирной точностью. Оторвавшиеся от темного брюха самолета, они уверенно крушили пункты связи, штабы, склады, батареи и просто скопление войск на открытом пространстве крымской степи. Высмотренные воздушными разведчиками «рамами» и нанесенные на карты, эти интересные объекты бомбились в первую очередь, для облегчения дальнейшего наступления частей вермахта и их румынских союзников.

Имевшиеся в частях и соединениях зенитные батареи не могли противостоять массивному натиску лучших к тому моменту пикирующих бомбардировщиков воюющей Европы. Уж слишком много было облепленных крестами самолетов, свирепо атаковавших советских зенитчиков. Некоторые из них погибли от прямых попаданий бомб в зенитное орудие, другие оставляли свои боевые посты, будучи ранеными осколками или пулями, но ни один из них не бросился от страха в кусты, лишь бы не слышать их устрашающего воя, не видеть почти вертикально падающего на тебя самолета, из-под брюха которого летит ужасная смерть.

Выполняя приказ Манштейна, особо яростно «лаптежники» атаковали боевые порядки 56-й и 47-й армий, создавая ложный посыл, что именно по ним и будет нанесен главный удар 11-й армии. С десятков бомб упало на штаб генерала Львова, серьезно ранив самого командарма. Прямым попаданием был уничтожен армейский пункт связи, что в один момент нарушило управление как частями и соединениями 56-й армии, так и связь со штабом фронта. От вражеской бомбардировки серьезно пострадали боевые порядки 77-й горнострелковой дивизии полковника Волкова. Никогда ранее не попадавшие под столь агрессивную бомбежку солдаты-азербайджанцы в ужасе разбежались в разные стороны, не слушая окриков и приказов командиров.

В результате воздушных ударов противника командарм Колганов также лишился связи, но большей частью со своими подразделениями. Благодаря самоотверженной работе связистов порывы были устранены.

Потери от налета авиации противника были бы более чувствительными, если бы не два обстоятельства. Пусть с заметным опозданием, но советские истребители все же атаковали вражеские «юнкерсы». Не вступая в бой с истребителями прикрытия, они ударили по пикировщикам и даже сбили несколько машин. Своим мужеством советские летчики серьезно осложнили работу «певунов», и, побросав бомбы без должной точности и мастерства, асы Геринга ретировались. Вторым обстоятельством, помешавшим немцам нанести максимальный урон армиям Крымского фронта, было решение генерала Рокоссовского о перемещении воинских подразделений. Многие соединения были отведены от переднего края обороны, во многих частях были вырыты окопы, траншеи и открытые щели для укрытия от вражеского огня. В некоторых

случаях бомбы падали на ложные объекты. Они были созданы по приказу командующего для введения в заблуждение противника и смогли спасти не один десяток солдатских жизней.

В общей сложности в этот день немцы совершили около четырех сотен вылетов в день, потеряв в воздушных боях и от огня с земли девятнадцать машин. Потери советской авиации оказались не намного больше противника, но даже при таком соотношении действия авиации Крымского фронта можно было признать успешным.

Ни Манштейн, ни Рихтгофен не ожидали, что в небе над Крымом наткнутся на маленький и не совсем сильный, но все же крепенький кулак русских.

Главные события начались с 7 на 8 мая, когда вслед за пикировщиками по советским позициям ударила немецкая артиллерия. Как и летчики, артиллеристы били по всем разведанным целям, стремясь довести до логического завершения работу своих крылатых коллег.

На этот раз главный огневой удар немцев приходился по южному флангу советской обороны. Сосредоточив на этом участке фронта мощный огневой кулак, артиллеристы Манштейна громили опорные узлы передовых рубежей противника. В первую очередь они пытались заткнуть рты дотам и дзотам, пулеметы которых прочесывали каждую пядь земли перед мощным противотанковым рвом, через который намеревались прорваться танкисты фон Апеля. Цели были заранее определены и пристреляны, но как бы хорошо ни работали канониры фюрера, полностью привести передний край русских к молчанию они не смогли.

Когда по сигналу ракеты сквозь проделанные в проволочных заграждениях саперами проходы на штурм укреплений бросились немецкие пехотинцы, они натолкнулись на огонь неподдавленных пулеметов. Ценой больших потерь они смогли достичь края противотанкового рва, но под шквальным огнем были вынуждены залечь. Некоторые смельчаки, ведомые оберлейтенантом Райсснером, смогли спуститься в него, но попали под огонь из стрелкового оружия. Выпущенная сверху автоматная очередь прошла храброго офицера насквозь, и атака захлебнулась.

Умывшись первой пролитой кровью и утерев скупую мужскую слезу, тевтонские воины, уткнувшись носом в крымскую степь, стали дожидаться развития дальнейших событий.

Благодаря присутствию в атакующих цепях артиллериста корректировщика, немецкий «бог войны» принялся обрабатывать выданные им под обстрел площади и квадраты. Но не только на мощь своего огненного кулака рассчитывал генерал Манштейн, планируя прорыв на этом участке фронта. Будучи от природы хитрым и коварным человеком, «величайший стратег всех времен и народов» согласно геббельсовской «Фелькишер беобахтер», Манштейн всегда имел в запасе неожиданный ход. Суть его заключалась в нанесении неожиданного удара руками специально подготовленных отрядов диверсантов, чье внезапное нападение склоняло чашу весов победы в пользу германского оружия.

Впрочем, этот ход имел успех, когда «блистательному уму» противостоял слабый, не очень расторопный, сильно подверженный панике и страху противник. Когда же он был равен ему по силе или немного превосходил своими возможностями, «первый маршал» рейха терпел поражение одно за другим. Военный талант и промахи противника позволили ему избежать окружения и плена, но в конечном итоге терпение фюрера лопнуло, и Манштейн подвергся опале. Помня былые заслуги, Гитлер отправил «блистательный ум» немецкого военного искусства в почетную отставку. В ней тот тихо просидел до конца войны, счастливо не ввязавшись в политические заговоры и сохранив на плечах и голову, и погоны.

Если в июле сорок первого при захвате мостов через Двину Манштейн действовал руками удалцов «Бранденбурга 800», то на этот раз он сделал ставку на специально созданные штурмовые отряды морской пехоты. Три роты на штурмовых судах, специально доставленных из Германии, вышли из Феодосии и незаметно добрались до того места, где противотанковый ров смыкался с берегом моря. Грохот разрывов немецкой артиллерии надежно скрыл звуки приближающихся десантных катеров, а непрерывный обстрел «мессершмиттами» передовых

позиций советской обороны не позволил её защитникам заметить приближающуюся к ним угрозу.

Быстро обойдя охваченный разрывами мин и снарядов участок русской передовой, немецкие десантники стали высаживаться в тылу обороняющих приморский участок рва подразделений. Слишком поздно придавленные вражеским огнем с земли и воздуха защитники этого рубежа поняли коварный замысел врага. Лишь после того, как немцы, благополучно высадившись на берег и развернувшись в цепь, с автоматами и пулеметами наперевес бросились в атаку, советские солдаты распознали в них опасность.

Редкие выстрелы из винтовок и пистолетов не смогли остановить наступающие цепи врага. Один из неизвестных защитников рва успел выстрелить по атакующему противнику из огнемета и превратить несколько солдат и бегущего вместе с ними майора Кутцнера в огненные бегущие факелы, но это был единичный успех. Завалив противника шквалом пулеметных и автоматных очередей, немецкие диверсанты приблизились к рубежу обороны и стали забрасывать его защитников гранатами. Сразу вслед за этим в воздух взлетели две красные ракеты, артиллерийский обстрел моментально прекратился, и угрюмо жевавшие скрипучий песок молодцы капитана Грефе бросились в атаку. Не встречая прежнего сопротивления со стороны врага, они спустились в ров и, поднявшись по штурмовым лестницам на его противоположный край, ворвались в русские траншеи. Находившиеся там советские солдаты было обречены, но вместо того чтобы поднять руки и сдаться в плен, они продолжали оказывать яростное сопротивление. Один из них бросил в атакующих врагов гранату – взрыв оторвал ногу только поднимающемуся по штурмовой лестнице капитану Грефе. Рана была ужасна, но, несмотря ни на что, мужественный капитан продолжал командовать своими солдатами.

– Вперед, только вперед, мои молодцы! Задайте им жара! Откроем поскорее дорогу нашим славным танкистам! – кричал Грефе, не обращая никакого внимания на суетившегося возле него санитаря, и в словах истекающего кровью капитана была своя истина.

Вместе с пехотинцами в противотанковый ров ворвались саперы майора Функеля. Понеся существенные потери при проделывании проходов в проволочных заграждениях и при снятии мин, они приступили к уничтожению противотанкового рва. Путем целенаправленных подрывов они сначала обрушили его стены, а затем, выровняв скосы, позволили застоявшимся танкистам фон Апеля вступить в схватку с врагом.

Главной ударной силой 22-й танковой дивизии были не танки, а штурмовые орудия. Именно благодаря им немцы смогли существенно расширить ширину своего прорыва, нанося удар своими орудиями под прямым углом к фронту советской обороны.

Для вооруженных 75-миллиметровым орудием «штуг» из отряда капитана Шельдта не составило большого труда уничтожить советские огневые пулеметные точки, а также пехотные блиндажи и траншеи с засевавшими в них солдатами, ставшие камнем преткновения для солдат 1-го батальона 123-го полка. Понеся серьезные потери в результате двух бесплодных атак, славные баварцы терпеливо ждали, когда танкисты 190-го дивизиона протянут им свою руку помощи.

Сил у оборонявших этот участок советских войск вполне хватало, чтобы дать достойный отпор атаковавшим их подразделениям врага. При помощи гранат, бутылок с КС и противотанковых ружей можно было попытаться отразить удар восьми машин врага, но в рядах прикрывавшей это направление «национальной» дивизии возникла паника. Зная о слабости этой «национальной» дивизии, командарм Черняк постарался убрать её в «тихое место», но, как оказалось, поставил на самое острое вражеской атаки. Попав под огонь всего четырех штурмовых орудий, подразделения 63-й грузинской горнострелковой дивизии дружно обратились в бегство, бросив на произвол судьбы защитников передней линии обороны.

Сминая отчаянное сопротивление советских солдат, немецкие машины смогли увеличить ширину своего прорыва, доведя его до трех километров. В образовавшееся окно немед-

ленно хлынули моторизованные соединения бригады полковника Гроддека. Положение дел мог попытаться спасти полк противотанковой артиллерии, чьи орудия прикрывали направление прорыва, но и здесь судьба улыбнулась Манштейну. Как ни старался генерал Казаков насадить среди армий, обороняющих Крым, требуемый Ставкой стандарт противотанковой обороны, он не был всемогущ. Несмотря на приказ комфронта и неоднократные запросы командующего артиллерии, положение дел на этом участке обороны 44-й армии осталось без изменений. Вместо эшелонированной противотанковой обороны орудия батарей подполковника Кудесникова были вытянуты в одну линию. Хорошо расположенные, имевшие пехотное прикрытие, они не смогли справиться с обрушившимся на них бронетанковым кулаком. Успев зажечь всего три танка и одно штурмовое орудие, артиллеристы были раздавлены атаковавшей их в лоб армадой немцев.

Куда успешнее действовали два танка – Т-26 и Т-34, прикрывавшие приморский участок второй линии обороны. Получив серьезные повреждения ходовой части во время предыдущих боев и не подлежа ремонту, они были превращены в огневые точки для компенсации недостатка противотанковой артиллерии. Зарытые в землю по самые башни и хорошо замаскированные от посторонних глаз, танки имели прекрасный обзор, «до самого горизонта» – как говорили бывалые солдаты. Они не сильно пострадали от ударов авиации и обстрела вражеской артиллерией, ровно как и сам боевой рубеж обороны, перенесенный согласно приказу Рокоссовского на четыре километра от своей первоначальной позиции.

Узнав от грузинских беглецов о прорыве врага, командиры обеих машин немедленно связались по радио с командованием, доложили об изменении обстановки, а также свое решение принять бой с превосходящими силами противника. В результате боевого столкновения с врагом продвижение его передовых частей было остановлено ровно на два с половиной часа, так необходимых советскому командованию в этот сложный и непростой день.

Обе машины были уничтожены путем прямого попадания бомб, сброшенных на них специально вызванными по радио «штуками». Только после этого немецкая мотопехота при поддержке штурмовых орудий и легких танков Т-2 смогла сломить сопротивление засевшей в окопах пехоты. Итогом этого сражения стало уничтожение трех бронетранспортеров, четырех бронемашин пехоты, двух штурмовых орудий, а также сорока пяти солдат и офицеров вермахта, не считая многочисленных раненых.

Полностью взломав приморский участок обороны 44-й армии генерала Черняка, наступающие соединения немецких танкистов разделились. Главные силы 22-й дивизии развернулись на север с целью разгрома тылов двух соседних армий, а группа полковника Гроддека вдоль побережья устремилась к Керчи.

Страшный призрачный разгром замаячил над штабом Крымфронта, который с самого начала немецкого наступления потерял связь со штабами армий. Едва успев восстановить нанесенные врагом повреждения, штаб фронта вновь лишился связи в результате мощного артиллерийского обстрела, поддержанного налетом вражеской авиации в лице истребителей «мессершмиттов». Подсчитав потери от первого дня воздушных боев, генерал Кортен решил попридержать «штуки».

Отсутствие в первой половине дня устойчивой связи штаба фронта со штабами армий, а у них – с полками и дивизиями, сыграло свою роль в развитии трагических событий 8 мая. Получая искаженную и недостоверную информацию с передовой, штаб фронта не мог определить место нанесения главного удара Манштейном. Только после того, как в штаб вернулись отправленные им делегаты связи, поступила информация от летчиков, а также предоставил доклад специально посланный к генералу Колганову полковник Бышковец, картина сражения стала проясняться. Вскрылась ошибка штаба фронта, предполагавшего, что свой главный удар противник нанесет по центральному сектору советской обороны. Одновременно с этим стало ясно, что враг прорвал оборонительные рубежи 44-й армии и вышел на оперативный простор.

По самым скромным оценкам, ширина прорыва составляла четыре километра, а глубина – до шести километров. Сразу после получения этих результатов генерал Рокоссовский принял экстренные меры для скорейшей ликвидации прорыва и недопущения выхода танкового кулака немцев в тылы 47-й и 51-й армий фронта. Единственной эффективной мерой, по мнению генерала и офицеров его штаба, являлось скорейшее нанесение контрудара в основание прорвавшегося вражеского клина силами двух танковых бригад, имевшихся в распоряжении 47-й армии. Имевшие в своем составе КВ и Т-34, они представляли собой серьезную силу. Организация и руководство контрударом было поручено генерал-майору Казакову, который вечером 8 мая выехал к генералу Колганову. Наступала пора ответного хода.

Глава IV. «Охота на дроф». Миттельшпиль

Сказать, что события наступившего дня огорошили и взволновали Льва Захаровича, значит не сказать ничего. Известие о прорыве Манштейном фронта обрушилось на Мехлиса подобно огромной лавине. Оно его испугало, но не раздавило. Как истинный коммунист, заместитель наркома обороны был готов сражаться с врагом до последней капли крови, но при этом не забывая искоренять притаившуюся по углам измену и наставлять на путь истинный заблудших. Видя очень схожее положение на фронте с положением лета сорок первого года, армейский комиссар был готов действовать в штабе фронта жестко и решительно, но генерал Рокоссовский не позволил ему это сделать. Не позволил не громкими криками и грозной руганью, не угрозами позвонить Сталину или путем прямого физического насилия. Нет, генерал Рокоссовский был одним из немногих советских генералов и маршалов, кто считал любые действия, связанные с унижением человека, открытым хамством, недопустимым для советского военного. Даже краткосрочное нахождение в гостях сначала у Николая Ивановича Ежова, а затем у Лаврентия Павловича Берии не повлияло на потомка польских дворян.

Пойти по привычному пути Льву Мехлису не позволило поведение командующего войсками фронта. Начало боевых действий не застало Рокоссовского в теплой домашней постели, так как с момента перелета хорватского летчика он постоянно находился в штабе. Едва потеряв связь с армиями, командующий не впал в панику, как впадали в неё многочисленные командиры, на которых петлицы с большими звездами и штаны с красными лампасами находились по большому недоразумению. Не выказывая ни малейшего признака страха, он стал требовать её восстановления всеми доступными способами. При этом он не был растерян или не кричал истерично, требуя от подчиненных исправить положение дел. За время нахождения в войсках Мехлис много посмотрел на подобных персонажей, которые могли только требовать и угрожать. В отличие от них, генерал Рокоссовский давал конкретные поручения, пояснял, как их следует выполнить, и требовательно следил за их исполнением.

Слушая его командный голос, видя его уверенное поведение, трудно было усомниться в том, что этот человек не только знает, как справиться с этой трудностью, но и обязательно сделает это. В действиях комфронта не было ни малейшего признака суетливости, неуверенности в своих действиях и прочих элементов нервозности, наличие которых позволило бы Мехлису начать командовать делами штаба. Соблазн был огромный, но армкомиссар не поддался этому пагубному искушению. Все, что он мог позволить себе в данной ситуации – это громкие наставления порученцам, грозные окрики нерадивым командирам, без дела оказавшимся в штабе фронта, и гневное потрясение черной шапкой волос.

Лев Захарович на время снизил обороты своей активности, внимательно наблюдая за развитием событий. И можно было не сомневаться, что, если что-то пошло бы не так, он с лихвой бы наверстал упущенное. Сил, желания и энергии у него хватало.

Между тем, по планам обеих сторон, где было точно расписано, куда маршируют боевые колонны и как атакуют, ударила третья сила. Её появление всегда было неожиданным и плохо предсказуемым, ибо это была погода. Как бы синоптики ни уверяли Манштейна, что «все будет хорошо и дождя не предвидится», дождь все-таки случился. Не такой обильный и проливной, как тот, что в марте месяце надолго затормозил продвижение русских танков к Перекопу и Симферополю, но достаточно существенный, чтобы на несколько часов прочно сковать рвущиеся на север танки и бронемшины 22-й танковой дивизии вермахта. Прочно увязнув в раскисшей крымской грязи по самое не балуй, они превратились в отличную мишень для советской авиации, которая нет-нет да пролетала на этом районе. Будь у советских летчиков связь с землей, судьба застрявших в грязи гитлеровцев была бы предрешена. Один хороший налет, и ни о каком броске на север мечтать бы уже не приходилось, однако благодаря «ударной дея-

тельности» авиационных генералов, к началу войны подавляющее число советских ударных самолетов связи с землей не имело. Единственное, что могли делать пилоты – это вести переговоры друг с другом, на ограниченном расстоянии. Благодаря требованиям Ставки, в войсках, воюющих на центральных фронтах, это преступное положение постепенно исправлялось, но на второстепенных направлениях положение дел оставляло желать лучшего.

Только после возвращения из полета пилот смог доложить командованию о замеченном им скоплении танков и другой техники. Пока рапорт был принят и доложен по инстанции, пока о нем узнал штаб фронта и командующий принял решение, прошло время. За это время с моря подул теплый ветер, под воздействием которого раскисшая от дождя почва стала сохнуть, предвещая попавшему в ловушку «зверю» скорое освобождение.

Когда начштаба доложил Рокоссовскому данные о застрявших немецких танках, тот моментально позвонил Николаенко и потребовал немедленно нанести по ним бомбовый удар. Ответ командующего авиацией Крымфронта обескуражил его. Находящаяся на Таманском полуострове бомбардировочная авиация фронта не могла взлететь из-за поднявшегося с моря тумана. Единственное, что мог поднять в небо Николаенко – девять штурмовиков Ил-2 с небольшим истребительным прикрытием.

Что выслушал в этот момент Николаенко от Мехлиса, генерал запомнил на всю жизнь, но от этого положение дел не изменилось ни на йоту. Два штурмовика не могли взлететь по техническим причинам, а больше четверки истребителей Николаенко не мог дать из-за их отсутствия. Недовольный таким положением дел, Лев Захарович решил лично проконтролировать исполнение приказа командующего, приказав генералу лично докладывать ему о действиях группы майора Спиридонова. К своему счастью, а также для всего Крымфронта, Гаврила Никифорович не знал, какой грозный и гневный человек собирался следить за его действиями. Привычно подняв в воздух свои штурмовики с полевого аэродрома под Керчью, он повел свою боевую группу на запад. Под крылом его самолета сначала мелькнул обводной керченский оборонительный рубеж, затем позиции наших войск на Турецком валу, и вот поплыла желтая крымская степь.

Двигаясь строго по указанному маршруту, Спиридонов уже собирался развернуть свою группу на северо-запад и начать поиски застрявших танков противника, как с ужасом обнаружил вражеские танки, движущиеся вдоль побережья по направлению к Керчи. В том, что это немцы, сомнений не было. Нанесенные на борта боевых машин белые кресты снимали все вопросы, но майора беспокоило другое. Согласно полученным от истребителей сведениям, до застрявших в грязи танков штурмовикам ещё было лететь и лететь. Ну не могли танки противника так быстро освободиться из грязи и так далеко продвинуться на восток. Логичнее было предложить, что это были другие танки, о существовании и действии которых командование было ещё не в курсе.

В этот момент перед майором Спиридоновым возникла труднейшая задача. Не выполнить приказ командующего по уничтожению танков врага он никак не мог. О степени важности задания его лично проинструктировал генерал Николаенко. Вместе с тем просто так пропустить танковую группу врага в свой глубокий тыл Гаврила Никифорович также никак не мог. О том, что там совсем не готовы к её появлению, он прекрасно знал из общего положения дел. С января сорок второго на каждом собрании присланные Мехлисом политические вдохновители, только и говорили о наступлении, и ни слова об обороне.

Будь у легчика связь с землей, он связался бы со штабом и если бы не получил приказ к атаке, то предупредил бы командование о грядущей опасности. Однако радио на штурмовиках не было ни у кого, и решение приходилось принимать самостоятельно, без долгих раздумий и колебаний. Можно было разбить группу на две части и одной атаковать вражескую колонну, а другую отправить на выполнение главного задания, однако Спиридонов отказался от этого «соломонова решения». То, что хорошо в мирное время, не всегда пригодно на войне, ибо,

распыляя силы, вместо хлесткого разящего наповал удара, получилась бы звонкая, но всего лишь пощечина.

Уповая на то, что командование положительно оценит его действия и позволит совершить ещё один вылет, майор отдал приказ об атаке вражеской колонны.

Ах, как славно задержались, засуетились немецкие солдаты под ударами краснозвездных «илов». Как проворно посыпали они на землю из расстрелянных пулеметными очередями грузовиков и подбитых бронетранспортеров. Как запылали чешские «панцеры», попавшие под огонь советских штурмовиков, идущих на них на бреющем полете. Шесть грузовиков мотопехоты так и остались стоять в этот день посреди желтой степи, вместе с тремя бронетранспортерами и двумя танками и штурмовым оружием. Возникшая на земле картина была достойна кисти любого баталиста, но хорошего всегда бывает мало, особенно на войне. Штурмовики майора Спиридонова успели провести только две полноценные атаки, как на выручку своей колонне прилетели «мессершмитты».

Четырнадцать боевых машин смерти, разрисованные различными зверями и карточными мастями, атаковали «илы» майора Спиридонова, и они были вынуждены отходить. Главная причина их столь быстрого отхода заключалась не в страхе перед противником. Будь воля Гаврилы Никифоровича, он ещё раз атаковал бы врага, но большинство его штурмовиков были одноместной комплектации. Это делало штурмовики легкой добычей для вражеских истребителей, и Спиридонов дал команду на отход.

Слабые надежды были на ложные пулеметы, которые летчики самостоятельно устанавливали на заднюю сферу своих кабин. На дальнем расстоянии это хорошо срабатывало, и немецкие пилоты не рисковали атаковать «русские летающие танки».

Возможно, помог этот хитрый трюк, возможно, отчаянные действия четверки прикрытия, но при отходе Спиридонов потерял сбитой только одну машину. Второй штурмовик из-за проблем с мотором сел прямо в степи, перед советскими позициями на Турецком валу.

Преждевременное возвращение «илов» с задания повергло командира полка Гулыгу в шок. Вылет штурмовиков находился на контроле у самого Мехлиса, а это означало самые гадкие последствия вплоть до расстрела.

– Ты что, с ума сошел?! – были первые слова изумленного комполка, выбежавшего на летное поле, прямо под крыло самолета майора Спиридонова. Впрочем, его гнев быстро прошел, когда он услышал про атаку и просьбу майора разрешить повторный вылет после необходимой дозаправки машин.

– Лети, лети, черт с тобой, может, и пронесет! – согласился со Спиридоновым Гулыга, но черт, в лице полкового «особиста» капитана Тимошкина, не пронес. Он не был лицом кавказской национальности а-ля Берия, не стряпал расстрельные дела, не принуждал женскую половину полка к интимным связям и не принимал доклады у подчиненных, одновременно моя ноги в белом эмалированном тазу, тем самым выказывая свое превосходство над летунами. Вся его деятельность заключалась в выявлении длинных языков среди летного и тылового состава и в той или иной мере их наказании. Капитан Тимошкин был типичным представителем того служивого сословия, которое не хватало звезды с небес, но очень трепетно относилось к целостности своих звезд, что украшали их погоны. Не будь вылет штурмовиков на столь высоком контроле, капитан бы так и остался сидеть в столовой, попивать компот и строить определенные планы на повариху Лизавету. Но при виде садящихся раньше времени штурмовиков ему разом поплохело, и рука сама потянулась к телефонной трубке. Уж очень сильно действовало имя заместителя наркома на работников штаба и тыла.

Техники ещё лихорадочно проводили дозаправку самолетов отряда Спиридонова, когда зазвонил телефон комполка, и раздавшиеся в трубке звуки заставили Гулыгу вытянуться во весь фронт.

– Так точно, товарищ армейский комиссар первого ранга, группа майора Спиридонова вернулась на аэродром раньше времени. Причина невыполнения приказа комфронта – атака колонны немецких танков, движущихся на Керчь в районе деревни Серафимовки. Огнем нашей авиации уничтожено девять грузовиков с пехотой противника и восемь танков и бронемашин, – доложил комполка и на некоторое время замолчал, залившись алой краской. – У меня нет подтверждений слов майора Спиридонова, товарищ заместитель наркома, так как наши штурмовики не оборудованы необходимой фотоаппаратурой. Но я хорошо знаю майора Спиридонова и считаю предъявленные ему обвинения в трусости и саботаже в пользу врага необоснованными... Майор Спиридонов – офицер, коммунист, орденосец. У него двадцать девять боевых вылетов, в результате которых врагу был нанесен урон, подтвержденный наблюдениями с земли, и если он говорит, что атаковал вражескую колонну на подступах к Керчи, значит, атаковал... Я прекрасно понимаю всю сложность обстановки, но я верю майору Спиридонову и готов понести любую ответственность в случае выявления признаков предательства... – Гулыга говорил с небольшими перерывами, вызванными гневными репликами Мехлиса, но при этом твердо стоял за своего летчика.

– Не могу выполнить ваш приказ и арестовать майора Спиридонова, товарищ Мехлис. После заправки самолетов группа штурмовиков вылетела на атаку немецких танков под Ак-Монай, как и было предписано командованием фронта, – не моргнув глазом, соврал комполка, чем вызвал гримасу страха на лице у стоявшего рядом особиста. Он что-то слабо протестуяще пискнул, но Гулыга гневно потряс кулаком, и Тимошкин покорно умолк. В том, что комполка врежет ему, особист ни секунды не сомневался, так как знал его решительный нрав и видел кулак в действии. В феврале, во время допроса сбитого немецкого летчика, комполка быстро построил и подровнял славного сына тевтонского народа, вальяжно развалившегося перед ним на стуле.

– У меня нечем было его заменить из-за больших потерь личного состава. Есть отстранить от полетов после возвращения с задания и отправить под арест. Есть послать истребитель для подтверждения слов майора. Есть докладывать вам лично, через каждый час, – четко чеканил комполка, добившись отсрочки грозového часа.

Пока между Мехлисом и комполка шел этот диалог, штурмовики прошли рулежку и стали подниматься в воздух. Убедившись, что последняя машина взлетела и вернуть их на землю уже не было возможности, комполка вытер вспотевший лоб рукавом и, бросив злой взгляд на особиста, произнес:

– Ну, ты и гад, Сергей Сергеевич.

Из второй атаки на аэродром вернулось всего пять машин без комэска. Подбитый вражескими истребителями, он дотянул до линии фронта у сельского центра Колодезное и выбросился на парашюте. Повторный удар штурмовиков уже не имел той силы, на которую рассчитывали в высоких штабах. Теплый ветер основательно подсушил раскисшую почву, и когда майор Спиридонов привел своих орлов к месту, обозначенному на карте полетного задания, немецких танков там уже не было. Нет, в наличие они имелись, но к моменту появления «илов» они не стояли покорной массой в одном месте, а уверенно ползли на боевые позиции 47-й армии, под истребительным прикрытием врага.

И вновь группе майора Спиридонова удалось совершить всего две атаки, во время которых его штурмовики расстреляли большую часть своего боекомплекта. Ударь они утром, и польза от их удара была бы гораздо большей, но случилось то, что случилось. В результате воздушной атаки было уничтожено и выведено из строя девять танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров с пехотой. Большого, несмотря на отчаянную отвагу летчиков майора Спиридонова, добиться не удалось, хотя кое-что штурмовики смогли приплюсовать к общим итогам.

Шквальным огнем «илов» были уничтожены четыре противотанковых орудия, чьи батареи сыграли значимую роль во встречном сражении между 22-й танковой дивизией вермахта с советскими танковыми бригадами в сражении под Розувановкой.

Общее число танков, находившихся в распоряжении генерала Колганова, исчислялось двумя сотнями, но в подавляющем большинстве это были легкие танки Т-26 и Т-60, славное наследие большого их любителя маршала Тухачевского. Наносить такими силами удар по врагу, главную силу которого составляли не легкие и средние танки, а артиллерия и моторизованная пехота, было преступлением. Это прекрасно понимал генерал Казаков, прошедший горькие университеты московской битвы, и этого не понимал и не хотел понимать генерал Колганов. Был ли в этом виноват Мехлис, чья тень витала над штабом 47-й армии, или Константину Степановичу не хватало боевой практики, но между командармом и прибывшим генералом возникло непонимание тактики ближайшего боя.

Хотя генерал Казаков представлял собой руководство Крымфронта, убедить Колганова отказаться от нанесения встречного удара он не смог. Единственное, на что хватило его полномочий, это отдача приказа о развертывании противотанковых батарей. На их усиление, несмотря на яростные протесты командарма, Казаков изъял из ударного клина пять танков Т-34 и около двадцати танков Т-26. Все эти силы были развернуты по схеме, составленной самим генералом Казаковым и лично проверенной утром 9 мая.

Ночной дождь и заминка немецких танков с выдвижением сыграли на руку советским войскам, а удар штурмовиков майора Спиридонова вселил надежду на успех. Было ближе к полудню, когда свыше ста пятидесяти красноезвездных танков обрушились на врага. Впереди шли грозные КВ и Т-34, вслед за ними – юркие и проворные Т-26 и Т-60. Казалось, что все сулило скорую победу над врагом, но затем оказалось, что до победы очень и очень далеко. Все было совсем не так, как представлялось ранее.

Присутствие в дивизии танков Т-3 и длинноствольных Т-4 позволяло противостоять русским «климам» и «тридцатьчетверкам», а наличие батарей 50-миллиметровых противотанковых пушек и полевых 75-миллиметровых орудий резко снижало результативность советской танковой атаки. После атаки немцев из боя вышли всего два КВ, все остальные танки были либо разбиты, либо уничтожены огнем немецкой артиллерии. С генералом Колгановым случился нервный тик, когда ему доложили о результатах боя и о том, что на боевые порядки 271-й стрелковой дивизии идут немецкие танки.

У каждого генерала есть свое кладбище людей из-за совершенных за годы службы ошибок, и 271-я дивизия имела все шансы пополнить этот список. Уж слишком серьезные силы врага накатывались на позиции дивизии в этот момент, лязгая гусеницами и ревя моторами. Раскинутая на ровной как стол крымской степи, при определенных стечениях обстоятельств дивизия могла отбить наступление немцев, но большее говорило о том, что вражеские танки прорвут созданный на скорую руку оборонительный заслон и разгромят её боевые порядки. Подобный прорыв обороны не раз был в сорок первом, сорок втором годах, и даже в сорок третьем, но на этот раз фашистские танки наткнулись на крепкий ордунг. Пусть даже заслон был создан меньше чем за день, но создан грамотно и квалифицированно, знающими свое дело людьми, что давало шансы дивизии на благополучный исход боя.

На начальном этапе войны легкие Т-26 горели под огнем противотанковой артиллерии немцев, что называется, за милую душу. Германские противотанковые орудия легко пробивали тонкую броню «тэшек», но и их орудия могли наносить урон немцам, успешно громя трофейные танки. Главной ударной силой дивизии являлись чешские и французские легкие танки, разбавленные небольшим числом средних танков. С каким остервенением и ненавистью проклинали немецкие танкисты хрупкость брони своих трофейных машин, которая не спасала их от попадания снарядов советских 45-миллиметровых орудий, независимо от того, установлены они на танке или находятся на земле!

Свою лепту в общее дело вносили и «тридцатьчетверки», медленно, но уверенно сокращая число атакующих машин гитлеровцев. Привыкшие к тому, что противотанковая артиллерия у русских расположена в одну линию, немецкие танкисты шли вперед, не считаясь с потерями, рассчитывая задавить противника своим числом и плотностью огня. Вместе с атакующими цепями пехоты они представляли собой серьезную силу, но атака не получилась. Наступающую пехоту положил на землю оружейно-пулеметный огонь, а яростно рвущимся вперед «панцерам» не помогло присутствие в их рядах штурмовых орудий. Потери от огня русской артиллерии и закопанных по орудийные башни танков оказались весьма чувствительны, и немцы были вынуждены отступить.

Следуя стандартам немецкой тактики, получив «отлуп», панцер-дивизион должен был вызвать самолет-разведчик «раму» и, пользуясь полученными разведанными, раскатать впух и впрах оборону противника силами приданного ей 140-го артиллерийского полка. Однако в это время главные силы люфтваффе были заняты атакой на позиции 51-й армии и выполнить заявку на самолет-разведчик не смогли. Поэтому проводить обстрел советской обороны немцы были вынуждены, основываясь на данных корректировщиков, выдвинувшихся на передовые позиции. Подбитые немецкие танки служили прекрасным ориентиром, и артиллерийский огонь носил гибридный характер, нечто среднее между стрельбой по целям и стрельбой по площадям.

Даже не имея зорких небесных глаз, немцы сумели нанести существенный урон советской обороне, создав в ней некоторые прорехи. Однако полностью выполнить артиллеристам Третьего рейха свою задачу помешало присутствие у противника гаубичных батарей. Не прошло и десяти минут с момента открытия немцами огня, как они открыли ответный огонь.

Нет ничего милее в бою, как за грохотом вражеских пушек слышать свою артиллерию. Её голос будоражит кровь, укрепляет сердца и наглядно демонстрирует солдатам, что дела обстоят не так плохо, как оно кажется.

Немногим больше двадцати минут продолжалась контрбатарейная борьба, которая продемонстрировала немцам силу атакованной ими дивизии. Помимо гаубиц у советских войск обнаружилось присутствие минометных батарей, чей огонь серьезно осложнил работу корректировщиков.

Когда подгоняемый временем генерал-майор Апель вновь бросил свои танки в атаку, недочеты в работе артиллеристов быстро проявились. Выяснилось, что вкопанные в землю танки мало пострадали от навесного огня немецких пушек. Благодаря потерям советской пехоты, атакующие ряды немцев смогли продвинуться несколько дальше, чем во время первой атаки, но этого оказалось недостаточно, чтобы прорвать советскую оборону. Словно почувствовав у себя под ногами твердую почву, поверив в свои силы, солдаты дивизии были готовы биться насмерть с врагом, но не пропустить его.

Было начало пятого, когда разгневанный повторной неудачей танкистов генерал Манштейн пообещал оказать их командиру действенную помощь. Лучший тевтонский ум никогда не бросался на ветер словами. Вскоре над русскими позициями появились немецкие бомбардировщики, а из тыла прибыло подкрепление в виде бригады румын полковника Попеску. Первые стали вдоль и поперек утюжить оборонительные рубежи дивизии полковника Торопцева, а вторые как «пушечное мясо» были брошены в бой вместе с двумя танковыми ротами батальона разведки.

И вновь судьба дивизии и всей армии повисла на волоске. Падающие с неба, подобно коршунам, проклятые «лаптежники» быстро находили месторасположение вкопанных танков и накрывали их своими бомбами. Асы Рихтгофена работали грамотно, без суеты, и когда вызванные Казаковым истребители прибыли к месту, советская оборона недосчиталась многих огневых средств в результате прямых попаданий.

К огромной радости оборонявшихся, от действия вражеской авиации мало пострадали зенитные орудия, которые вместе с другим подкреплением были переброшены генералом Колгановым к месту боя. Мужественно отбив налет «юнкерсов», их боевые расчеты сразу же вступили в смертельную схватку с немецко-румынской пехотой, бросившейся в третью атаку на позиции дивизии. Из всех трех эта была самой сильной и многочисленной. Несмотря на понесенные за день потери, немецкие войска могли прорвать оборону советских войск и выполнить поставленную задачу дня, но этого не случилось. В самый решающий момент атаки врагу спутали карты советские реактивные минометы. Чудом уцелев за три дня непрерывных воздушных налетов и артобстрелов, две реактивные установки смогли посеять панику в рядах румынских пехотинцев. Едва увидев с гулом несущиеся на них снаряды, а затем попав под их грохочущие разрывы, солдаты Кондукатора бросились врассыпную с проворством испуганных ланей, чем сильно затруднили действия трех немецких рот. Безжалостно раздавая пинки и удары своим трусливым союзникам, а кое-где и пуская в ход оружие для приведения их в чувства, егеря генерала Зиннхубера продолжали идти вперед. На этот раз под прикрытием танкового огня им удалось хорошо продвинуться к русским траншеям и окопам, но не настолько близко, чтобы забросать их гранатами. Как ни хороши были винтовки Маузера, но наличие у советских солдат автоматов и скорострельных винтовок не позволило немцам продвинуться дальше.

Что касалось танков, то выставленные на прямую наводку зенитные орудия крошили в клочья броню фашистских машин ничуть не хуже, чем выбывшие из строя «сорокопятки» и «тридцатьчетверки». Однако главными героями этой схватки были танки КВ. Обе потерявшие возможность передвигаться из-за повреждения ходовой части машины вели огонь по врагу, не щадя своих снарядов и патронов. Советская оборона из последних сил, но отбила атаку противника, что, как бы это ни странно звучало, устраивало обе стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.